

ТАЙНА СТАРОЙ КВАРТИРЫ

ЕЛЕНА ДОБРЫНИНА

Елена Добрынина

Тайна старой квартиры

<https://litres.ru/74379682>

Аннотация

В Ленинград 1927 года приезжает молодой журналист Алексей Воронов, получивший комнату в старой коммунальной квартире на Фонтанке. Дом с темными коридорами, шумной кухней и странными жильцами кажется ему обычным, пока одна из соседок не исчезает, а спустя несколько дней её находят мёртвой во дворе.

Пытаясь понять, что произошло, Алексей всё глубже погружается в тайны старого дома, где за облупившимися стенами скрывается история, уходящая в прошлое - во времена революции. Ночные шаги в коридоре, незнакомец, проникающий в квартиру, старый письменный стол в бывшем кабинете ювелира и загадочный кинжал становятся частью опасной игры, в которой имперское прошлое внезапно возвращается в советский Ленинград.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. "Ленинградский курьер"	17
Глава вторая. Шаги за стеной	30
Глава третья. Нина	38
Глава четвертая. Страшная находка	47
Глава пятая. Кот, который знает больше	57
Глава шестая. Решимость	64
Глава седьмая. Павел	72
Глава восьмая. Версии в голове вместо заметки о заводском собрании	86
Глава девятая. Ночной гость	95
Глава десятая. Ящик с двойным дном	101
Глава одиннадцатая. Билеты в театр	110
Глава двенадцатая. Поклонник с тяжелым взглядом	115
Глава тринадцатая. Возвращение из театра	121
Глава четырнадцатая. Знакомое лицо	128
Глава пятнадцатая. Версии	137
Глава шестнадцатая. Страх в глазах	141
Глава семнадцатая. Хранительница	148
Глава восемнадцатая. Новая жертва	155
Глава девятнадцатая. Утро, не принесшее облегчения	161

Пролог

1918 год. Петроград.

В старом, кажется, еще позапрошлого века постройки дома на Фонтанке давно уже не бывало по-настоящему тихо. Даже ночью, когда на, итак, темных лестницах становилось хоть глаз выколи, а в парадной гас последний слабый огонек и двор-колодец затягивало холодным мартовским туманом, дом все равно жил и будто вздыхал горестно, настороженно и беспокойно. Где-то за стеной плакал ребенок, на верхнем этаже скрипела дверь, внизу хлопала калитка, и каждый звук казался не простым звуком, а предупреждением. Старый доходный дом, еще недавно уверенный в своей прочности, в своих зеркалах, коврах, бронзовых ручках и тяжелых шторах, теперь словно съежился, пряча в себе чужой страх.

В кабинете Александра Яковлевича Горского горела одна лампа.

Ее желтый круг падал на письменный стол, на разложенные листы, на чернильницу, на тонкие карандаши в серебряной оправе и на длинные пальцы хозяина, которые двигались быстро, почти лихорадочно, но все еще точно - так, как привыкли двигаться пальцы человека, всю жизнь имевшего дело с мелкими камнями, тончайшими оправками и вещами, в которых ошибка размером с волос могла погубить месяцы труда.

У стола стоял мальчик. Ему было десять лет, и он старался не плакать.

Он уже понимал, что в эту ночь все происходит иначе, чем бывало прежде. Отец не велел зажигать большую люстру. Не позволил позвать кухарку. Не отпустил его спать под окающий голос нянюшки, сказывающей сказки, хотя было поздно. За окнами, за тяжелыми шторами изредка слышались голоса, далекие выстрелы или хлопки. Мальчик не умел отличать одно от другого и каждый раз, когда звук катился по улице, отец поднимал голову и прислушивался.

На столе лежал кинжал. Маленький, похожий на морской кортик, который однажды летом показывал неожиданно нагрянувший в гости в Петроград дядя Анатолий – брат матери, морской офицер и «вечный гардемарин», как в шутку себя называл он сам. Этот кинжал был другим.

Мальчик видел его прежде: старинный, тонкий, не похожий на настоящее оружие, скорее на вещь из сказки или из собрания Исторического музея, где бывал мальчик вместе с отцом, когда ездил в Москву два года назад. Рукоять была темная, почти черная, с потускневшим серебряным узором, а на гарде - маленький камень густого гранатового цвета, похожий на каплю застывшего вина. Отец однажды говорил, что кинжал этот восточной работы, но переделан здесь, в Петрограде, и что в хорошей вещи главное не блеск, а мысль мастера, спрятанная внутри.

Теперь, под тусклым светом лампы Александр Яковлевич осторожно отвинчивал рукоять.

Мальчик не сразу понял, что кинжал открывается. Он только увидел, как отец вынул из него тонкую металлическую трубку, потом развернул пожелтевший листок папиросной бумаги, исписанной мелким строгим почерком, вынул из свертка ключ и вложил его внутрь рукояти.

- Идеально. – сказал Горский с облегчением, примеряя, вместится ли ключ в рукоять. – Значит, будет так.

Повсюду на столе лежали чертежи, схемы, крохотные рисунки колец, механизмов, оправ, каких-то странных замков и огранок, которые мальчику казались волшебными картами. Отец рылся в них, видимо отыскивая те, что поважнее.

- Папенька, - прошептал мальчик, распахнув глаза. - Это сокровища?

Александр Яковлевич на миг замер. Потом посмотрел на

сына, и выражение его лица стало таким печальным, что мальчику вдруг захотелось подойти к нему, прижаться к животу, как раньше, и попросить, чтобы все это оказалось дурным сном.

- Да, Митя, - сказал отец тихо. - Самые настоящие.

- А золото?

- Золото можно отнять. Камни можно продать. А это... - он коснулся пальцем тонких листков, - это намного важнее. Это нельзя вернуть, если потеряешь.

Мальчик нахмурился. Он не понял, но запомнил голос.

Отец снова торопливо свернул бумаги, провел рукой по нижнему краю письменного стола, там, где резное дерево уходило в тень, нажал на едва заметный завиток, и один из ящичков, совсем не тот, что должен был открыться, тихо подался вперед. Горский отпер ящик ключом, сложил бумаги внутрь стола и запер ящик. Ключ он вложил в трубку рукоятки и закрутил тот. Все эти манипуляции казались волшебным действием. Мальчик широко раскрыл глаза и, не мигая, следил за руками папеньки.

- Запомни, - сказал отец.

За стеной раздался тяжелый стук. Не в дверь кабинета, а дальше, в передней стучали, нет, тарабанили, призывая, требуя отворить. От этого грохота лампа вздрогнула, и тени, пляшущие на стенах, качнулись.

Александр Яковлевич резко выпрямился и изменился в лице.

Стук повторился. И на этот раз он был громче и настойчивее.

- Сашенька! - донесся из коридора испуганный женский голос. - Александр Яковлевич!

Мальчик в испуге шагнул к двери, но отец схватил его за плечи.

- Слушай меня внимательно, Митя. Очень внимательно. Сейчас придет Федор. Ты пойдешь с ним.

- Куда?

- Куда он скажет.

- А ты?

Отец не ответил сразу. Он положил кинжал в витрину, запер ту на замок и привел в порядок рабочее место. Стол снова стал обычным: тяжелым, старым, будто ничего в нем никогда не открывалось и не хранило никаких тайн.

Стук в передней перешел в глухие удары. Кто-то громко требовал открыть.

- Отец!

Александр Яковлевич опустился перед сыном на одно колено. Теперь их лица оказались почти на одном уровне. Мальчик увидел, что отец устал, что под глазами у него тени, что седина в висках за последние недели стала заметнее, но глаза оставались ясными и строгими.

- Митя, ты должен выжить. Понимаешь?

- Я не хочу без тебя, без нянюшки.

- Ты должен.

- Но я не знаю...

- Стол, - быстро сказал отец. - Просто запомни. Мой стол и кабинет. Левая панель под резьбой. Не золото ищи. Слышишь? Не золото.

Где-то в глубине квартиры вскрикнули. Потом послышался грохот, будто опрокинули стул.

Мальчик побледнел.

Александр Яковлевич поднялся, подошел к книжному шкафу и толкнул узкую деревянную панель между полками. Панель тихо подалась, открывая темный проход в чулан, про который Митя прежде не знал, и дальше через длинный извилистый, всегда темный коридор. Оттуда пахнуло сыростью, пылью и холодом черной лестницы.

В проеме возник Федор.

Он еще не был стариком. Высокий, широкоплечий, в потертом пальто, с обветренным лицом и тяжелыми руками человека, привыкшего носить дрова, таскать воду, открывать ворота в любую погоду и знать все, что происходит в доме. Но сейчас даже он выглядел испуганным.

- Барин, - сказал он хрипло. - Надо сейчас. Через двор еще можно.

- Возьми его.

Федор перевел взгляд на мальчика, потом снова на хозяйина.

- А вы?

- Я задержу их.

- Александр Яковлевич...

- Федор.

В этом одном слове было столько просьбы и приказа, что дворник замолчал.

Отец подтолкнул Митю к проему, но мальчик вцепился в его рукав.

- Нет!

- Митя, посмотри на меня.

Мальчик поднял глаза.

- Ты - Горский, - сказал отец. - Запомни это не для гордости, а для памяти. И еще запомни: настоящая ценность не всегда блестит.

Снова ударили в дверь - теперь совсем близко. Незванные гости прорвались через нянюшки и теперь гроыхали сапогами и топтались в передней.

Кто-то закричал:

- Открывайте! Петроградский ЧК!

Федор шагнул вперед, поднял мальчика почти без усилия и прижал к себе, закрывая полой пальто.

- Тихо, барчук, тихо, - прошептал он. - Живым надо бы остаться.

Митя извивался, пытаясь вырваться, но Федор уже пятился в темный проход. Отец стоял в круге лампы, высокий, неподвижный, и почему-то в этот миг мальчику показалось, что кабинет, стол, книги и отец - все это уже стало прошлым, хотя было еще перед глазами.

- Папенька! - крикнул он.

Александр Яковлевич сделал шаг к нему, будто хотел сказать что-то еще, но в передней с треском распахнулась дверь.

Федор закрыл панель.

Темнота проглотила кабинет.

Мальчик еще слышал голоса - глухие, чужие, грубые. Слышал, как отец сказал спокойно и даже холодно:

- Господа, вы ошиблись квартирой. На каком основании? У вас есть ордер, чтобы устраивать обыск?

Потом все заглушили тяжелые шаги дворника по лестнице.

Федор нес его вниз по узкой черной лестнице, где стены были влажными от сырости и пахло углем, кислой капустой в деревянных бочках и кошками. Митя пытался оглянуться, но дворник крепко держал его, почти грубо, и шептал все одно и то же:

- Молчи. Молчи, если жить хочешь.

Они миновали площадку, потом еще одну. Где-то наверху хлопнула дверь. Потом донесся короткий вскрик - такой, какой вырывается у взрослого человека, когда он все понимает, но уже ничего не может изменить.

Мальчик перестал сопротивляться.

Во дворе было темно и сыро. Снег, превратившийся в грязную кашу, лежал у стен. В окнах флигеля тускло горел свет, но Федор не пошел туда. Он пробежал вдоль стены, прижимая мальчика к себе, юркнул под арку, потом в низ-

кую дверь, которую Митя раньше никогда не замечал.

За дверью оказалась лавка с тканями. Она была сквозной, и Федор бежал через нее мимо тюков с материей, стеллажами и манекенами. В темноте манекены казались Мите людьми, и он жмурился, боясь, что они нападут и будут громко кричать и стучать ногами, как те люди в передней.

Пробежав сквозь лавку, Федор выскочил в соседнем дворе и через арку выбежал на улицу. Ветер бил в лицо, пахло рекой и печным дымом. Где-то далеко, со стороны Дворцовой площади гудел, как растревоженный улей город. Это был не прежний Петроград, нарядный и блестящий, а новый - голодный, злой, незнакомый.

Федор поставил мальчика на ноги только у маленьких ворот неизвестного ему дома.

- Слушай, барчонок, - сказал он, наклоняясь. - Сейчас пойдешь с теткой Аграфеной. Она тебя доведет. Имя свое не называй, скажись Ванькой. Фамилию забудь. Пока забудь.

- А отец?

Федор отвернулся.

- Твой отец велел тебе жить. Вот и живи, паря.

- Он придет?

Федор долго молчал.

Потом снял с шеи старый шерстяной шарф и обмотал им мальчика.

- Все бывает, ты жди. - сказал он наконец. - Только ты помни: дом есть дом. Когда-нибудь человек все равно воз-

Раскрыть преступление до того, как остынет чай!

Увлекательные расследования в атмосфере маленьких городков, где каждый сосед — потенциальный подозреваемый, а разгадка таится в чашке чая. Уютный Литмоб для тех, кто ценит интригу, юмор и хеппи-энд.

Глава первая.

"Ленинградский курьер"

Ленинград, 1927 год

Ленинград встретил Алексея Воронова сыростью.

Не той привычной весной сыростью, которая пахнет талым снегом и землей, а особенной, ленинградской - тяжелой, водянистой, въедливой, будто сам воздух здесь был пропитан рекой, камнем и старой штукатуркой. Низкое небо висело над городом мутной серой тканью, с крыш медленно капало, по мостовой ползли грязные полосы растаявшего снега, а трамваи, громыхая на поворотах, казались усталыми существами, обреченными вечно тащиться сквозь этот влажный холод.

Алексей поудобнее перехватил чемодан и остановился перед редакцией «Ленинградского курьера».

Алексей Воронов был высок и немного сутулился — не от робости, а от привычки подолгу сидеть над газетными листами и заметками. Тёмные волосы, вечно падавшие на лоб, и внимательный серо-зелёный взгляд придавали его лицу задумчивое, почти упрямое выражение, а тонкие черты и сдержанная манера держаться выдавали в нём человека скорее книжного, чем шумно-городского. В старом пальто и неизменной кепке он выглядел одним из тысяч молодых ленин-

градцев конца двадцатых, пытавшихся найти своё место в новой эпохе.

Дом перед молодым человеком был старый, с облупившейся лепниной и закопченными окнами. Над входом показывалась вывеска, а у дверей курили двое наборщиков в коротких шинелях, лениво обсуждая вчерашний футбольный матч.

- Да не было там пенальти!

- Был!

- Да судья слепой!

- Сам ты слепой!

Рядом с ними стоял молодой человек в тёмном пальто и клетчатом шарфе. Худощавый, темноволосый, с живым подвижным лицом и внимательными серыми глазами. Он слушал спор с лёгкой усмешкой и время от времени вставлял короткие замечания, после которых оба наборщика начинали спорить ещё громче.

Увидев Алексея, рыжий кивнул:

- Вам кого?

- Главного редактора. Меня направили на работу.

- А-а, новый журналист, - протянул второй наборщик. - Опять пополнение.

- Молодёжь идёт, а это хорошо, - хмыкнул рыжий.

Темноволосый парень тут же шагнул вперёд и протянул руку.

- Иван Аграфенов.

Рука у него оказалась тёплой и крепкой.

- Алексей Воронов.

- Вам к Семёну Ильичу? Я как раз рядом иду, сейчас вот понесу гранки в типографию. Могу проводить, а то у нас тут коридоры хуже лабиринта.

Он говорил легко и быстро, с той естественной непринуждённостью, которая сразу располагает к человеку. Не навязчиво, а скорее так, будто они уже давно знакомы и просто продолжают старый разговор.

Они поднялись на ступени крыльца, вошли в здание через массивные дубовые двери и пошли по длинному редакционному коридору.

Под ногами скрипел старый паркет. Навстречу всё время кто-то сновал туда-сюда: машинистки с папками, усталые репортёры, на ходу курившие крепкие папиросы, корректоры с гранками, курьеры с поднятыми от дождя воротниками пальто.

- Недавно устроились? - спросил Алексей.

- Три недели назад. - с гордостью ответил молодой человек. - Пока стажируюсь. В основном бегаю за всеми и стараюсь быть полезным.

- Получается? - усмехнулся Воронов.

- Через раз.

Иван улыбнулся. Улыбка у него была открытая, почти мальчишеская, но взгляд - внимательный, цепкий, будто он невольно замечал больше остальных. Воронов почему-то по-

думалось, что у этого парня есть характер, стержень, а значит, он сможет добиться в их профессии успеха.

- А вы откуда приехали? - любопытствовал юноша

- Из Вышнего Волочка.

- Значит, Ленинград вас ещё не успел напугать.

- Пока только промочил.

- Это у него первая стадия знакомства. - снова улыбнулся парень и они рассмеялась удачной шутке.

РЕДАКЦИЯ
ГАЗЕТЫ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
КУРЬЕР

ЕЖДНЕВНАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА

Через пару секунд парочка свернула к лестнице.

Где-то за стеной грохнула печатная машина, и пол под ногами едва заметно дрогнул.

Иван говорил легко - про редакцию, про наборщиков, про вечные скандалы между отделами, про спортивного обозревателя, который однажды умудрился перепутать и выдать в номер фотографии футболистов и артистов.

Алексей поймал себя на том, что слушает с удовольствием.

В этом человеке было что-то удивительно живое. На фоне промозглого города, серого неба и усталых лиц редакции он казался неожиданно лёгким для Ленинграда.

Редакция «Ленинградского курьера» с самого утра гудела, как огромный, плохо смазанный механизм, внутри которого всё время что-то двигалось, стучало, спорило и торопилось. В коридорах пахло типографской краской, мокрой бумагой и дешёвым табаком, по лестницам сновали курьеры с папками и гранками, а за стенами непрерывно трещали печатные машины, будто весь дом разговаривал сразу сотней металлических голосов.

Главный редактор оказался грузным человеком с красным лицом и неожиданно тихим голосом. Он долго листал бумаги Алексея, хмыкал, поправлял пенсне и наконец сказал:

- Из Вышнего Волочка, значит?
- Да.
- Очерки писали?

- Писал.
- Про ударников умеете?
- Научусь.

Редактор снова хмыкнул, словно именно этого ответа и ждал.

- Научитесь. Здесь все учатся. Иначе не выйдет.

Он достал из ящика стола сложенный лист и протянул Алексею.

- Ордер на комнату. Повезло вам. Сейчас с жильем тяжело.

Алексей развернул бумагу. Фонтанка. Дом номер сорок семь.

Редактор вдруг усмехнулся уголком рта:

- Дом старый, с историей.
- А без истории комнат уже не осталось?
- В Ленинграде? - редактор снял пенсне. - Здесь даже стены помнят больше, чем люди.

Он сказал это будто в шутку, но Алексей почему-то запомнил фразу.

Через час он уже шел вдоль Фонтанки.

Вода в канале была темной, почти черной, и отражала серое небо так, словно город висел вниз головой. По набережной спешили люди в поношенных пальто, мимо грохотали грузовики, пахло углем, керосином и весенней сыростью. Иногда среди этой новой, торопливой жизни вдруг проступало что-то прежнее - старинный фонарь, кованая ограда,

лепнина над окнами, гипсовые маски где-то под крышами и тогда казалось, будто старый Петербург все еще здесь, просто прячется под новой вывеской времени.

Дом номер сорок семь стоял чуть в стороне от улицы. Высокий, потемневший от сырости, с тяжелой аркой и окнами, в которых отражалась мутная вода канала. Когда-то, подумал Алексей, здесь наверняка жили богатые люди. Из тех, кто ездил в экипажах, пил кофе из тонкого фарфора и никогда не задумывался, сколько стоит керосин.

Теперь дом выглядел усталым. В арке пахло кошками, мокрыми дровами и чем-то кислым. Во дворе-колодце таял грязный снег, натянутые между окнами веревки с бельем провисли от влаги, а наверху, на четвертом этаже во флигеле, кто-то играл на расстроенном пианино.

Алексей уже хотел спросить дорогу, когда из двери пристройки вышел высокий мужчина в старом ватнике.

- Вы к кому? - спросил он.

Голос у него был хриплый, будто простуженный.

- Мне комнату дали. Вот ордер.

Мужчина внимательно посмотрел на бумагу, потом на самого Алексея.

Лицо у него было морщинистое, тяжелое, с глубокими складками у рта. Не старик еще, но из тех людей, которых жизнь старит быстрее времени.

- Новенький, значит, - сказал он. – Ну, идите за мной.

Он взял чемодан Алексея так легко, словно тот ничего не

весил.

- Федор, - представился он уже на лестнице. - За домом присматриваю.

Лестница была широкая, но темная. На площадках стояли сундуки, детские санки, ведра, старые стулья. Все это ба-
рахло удивительно контрастировало с кованными балясина-
ми лестничного ограждения. Когда-то, здесь, вероятно, ле-
жал пушистый ковер, и лестница была светлой и чистой. А
сейчас по ней, как по открытой книге можно было прочесть
все десять лет прошедшие с той роковой даты. Из-за дверей
доносились голоса, запах табака и густые ароматы съестного
– супа, зажаренного луком, и кислого хлеба.

Дом жил густо и тесно.

На втором этаже Федор остановился.

- Здесь.

Он открыл дверь длинного коридора, и Алексея сразу оку-
тал другой воздух - теплый, кухонный, пропитанный керо-
сином, чаем, человеческим жильем. Где-то в глубине квар-
тиры засмеялась женщина. Хлопнула дверь. Кто-то быстро
прошел по коридору. Коммунальная квартира встретила его
шумом чужой жизни.

- Кухня там, - кивнул Федор. - Уборная в конце. Воду ино-
гда отключают. Не пугайтесь.

Он говорил спокойно, почти равнодушно, но почему-то
все время смотрел на Алексея внимательно, будто пытался
что-то понять.

Потом открыл одну из дверей.

- Ваша.

Комната оказалась неожиданно большой.

Высокий потолок, потемневшие панели на стенах, старые книжные полки, узкое окно во двор и стол. Алексей остановился именно из-за него.

Массивный письменный стол стоял у стены, словно хозяин комнаты только что вышел и скоро вернется. Темное дерево блестело под слоем времени, резные ручки ящиков были стерты пальцами, а на столешнице виднелись тонкие царапины, похожие на следы старых перьев. Стол был слишком хорош для коммунальной квартиры. Слишком нелепо смотрелся теперь.

- От прежних хозяев остался, - сказал Федор, заметив, как Алексей рассматривает дубовый корабль посреди помещения.

- Выбросить жалко было?

- Не подняли бы. Да и зачем выбрасывать? Хороший стол, добротный. Раньше здесь писатель жил. Так и пользовался.

В его голосе мелькнуло что-то странное - почти усмешка. Алексей подошел ближе.

Комната пахла старым деревом, бумагой и чуть заметно пылью, которая бывает только в старых домах, где вещи помнят больше, чем люди.

- Здесь раньше кабинет был, - неожиданно сказал Федор.

- Чей?

Федор помолчал.

- Бывших хозяев. Давно это было.

И снова этот внимательный взгляд. Будто он хотел сказать что-то еще, но передумал.

Из коридора донесся женский голос:

- Федор! Опять вы нового жильца пугаете?

В дверях появилась девушка лет двадцати двух в темном платье с белым воротничком. Светлые волосы были убраны под косынку, но несколько прядей выбились и падали на лоб. Глаза у нее оказались серые, внимательные и немного насмешливые.

- Я Лиза, - сказала она. - А вы, значит, тот самый журналист?

- Уже попал в сводку? – усмехнулся Воронов.

- В коммунальной квартире все знают раньше, чем оно должно произойти.

Она улыбнулась, и комната сразу стала будто светлее.

- На кухню идите, пока чай горячий. А то Нина опять весь сахар растащит.

- Неправда! - крикнули из коридора.

Мимо двери пролетела девушка в ярком шарфе - тонкая, черноглазая, с быстрым смехом и покрасневшими щеками. Она заглянула в комнату из-за двери и с интересом воззрилась на новенького.

- Я не растащила, я одолжила!

- Навсегда, - заметила Лиза, улыбаясь, и на ее щеках вы-

ступили ямочки.

- Это разные вещи.

И снова смех. Алексей поймал себя на том, что улыбается. После сырого города, после дороги, после редакции эта шумная коммунальная жизнь вдруг показалась ему удивительно живой и теплой.

Позже вечером, когда он остался один и начал разбирать вещи, за окном уже стемнело. Во дворе зажглись редкие огни, где-то наверху снова играло пианино, а по коридору время от времени проходили жильцы.

Алексей сел за старый стол. Провел ладонью по темной, покрытой лаком столешнице. Дерево было холодным.

Он открыл верхний ящик - внутри лежала старая чернильница и несколько пожелтевших кнопок. Ничего особенного. Но все равно возникло странное чувство, будто стол не любит, когда его трогают.

Глупость, конечно.

Он усмехнулся собственным мыслям и уже хотел зажечь лампу, когда ему показалось, что в коридоре кто-то остановился у двери.

Очень тихо, почти неслышно. А потом ручка едва заметно дрогнула.

Алексей резко поднял голову.

Тишина.

Он встал, подошел к двери и распахнул ее. Коридор был пуст. И только в дальнем конце, возле кухни, сидел черный

кот и смотрел прямо на него зелеными, почти человеческими глазами.

Глава вторая. Шаги за стеной

К своему первому утру в коммуналке Алексей понял, что квартира никогда не спит по-настоящему. Даже в самые ранние часы, когда за окнами еще рассветало тусклым сероватым светом, а набережная Фонтанка была пустой и тихой, квартира уже жила своей особенной жизнью. Где-то скрипела кровать-полуторка, в кухне звякали крышками кастрюль, за стеной кто-то отчаянно кашлял, а в коридоре слышались чьи-то шаркающие шаги, и все эти звуки, смешиваясь, создавали ощущение огромного живого организма, старого, ворчливого, который поселился в старом доходном доме и теперь ворочается, вздыхает и никак не уляжется.

Алексей проснулся от запаха жареного лука. Это было странным – кухня находилась на другой стороне квартиры, у черной лестницы, а кабинет рядом с передней, но аромат за жарки так и витал в воздухе. Молодой человек лежал в непривычной пока постели и думал о том, что запах этот уникален – в любом городе, в любом доме, в любом году этот аромат невозможно ни с чем спутать.

Некоторое время парень лежал еще неподвижно, глядя в потолок, где над лепниной медленно качалась тень от ветвей за окном. Комната пока сохраняла ночную прохладу, и старый кабинет, казалось, наблюдал за новым жильцом с молчаливым терпением человека, который видел много чужих

жизней, чтобы удивляться еще одной слишком временной в масштабах существования дома.

Потом Алексей услышал, как мимо двери кто-то быстро пробежал по коридору. И следом раздался голос Нины:

- Я первая занимала чайник!

- Неправда! - отозвалась Лиза. - Ты спала!

- Я лежала с закрытыми глазами и думала!

Алексей невольно улыбнулся. Он оделся, чтобы не занимать очередь в уборную, наскоро умылся ставшей за ночь ледяной водой из рукомойника и вышел в коридор. Там было темновато, как почти во всех старых коммуналках. Лишь через световое окошко над дверью в комнату Лизы падал тусклый, серый луч света. Коридоры предназначены были для прислуги, господа ходили через анфиладные двери, поэтому архитекторы при постройке дома особенно не беспокоились, чтобы сделать их светлыми и просторными.

Алексей осмотрелся и пошел в сторону кухни, стараясь не задевать коробки и сундуки, уставленные по углам и вдоль стен.

Из кухни тянуло паром, который бывает, когда вода долго кипит, керосином и хлебом. Возле грязноватой стены стояло ведро с углем, рядом сушились чьи-то галоши, а на подоконнике дремал вчерашний черный кот, свернувшись плотным клубком.

Кухня оказалась сердцем квартиры.

Большая, когда-то, вероятно, богатая, теперь она была за-

ставлена столиками, примусами, кастрюлями и многочисленными банками с крупой. Потолок потемнел от копоти, стены возле плит покрылись жирным блеском, а огромное окно во двор запотело от пара.

За большим обеденным столом сидел хромой мужчина лет пятидесяти в круглых очках и аккуратно нарезал хлеб тонкими ломтями.

- Новенький? - спросил он, поднимая взгляд.

- Алексей Воронов.

- Виктор Михайлович Скворцов, бухгалтер.

Он говорил спокойно и очень емко, будто взвешивал каждое слово.

Нина, которую Алексей узнал сразу по темным волосам, веселой улыбке и хитрому взгляду, сидела прямо на подоконнике рядом с котом, поджав под себя ноги в шерстяных чулках, и пила чай из граненого стакана. На ней был темно-синий свитер с растянутыми рукавами, а черные волосы собраны на затылке кое-как, словно девушка причесывалась на бегу. При свете дня она казалась еще моложе, чем вчера.

- А журналисты всегда такие серьезные? - спросила она, шурясь на Алексея поверх стакана.

- Только по четвергам. – попытался пошутить юноша с серьезным видом.

- Сегодня вторник.

- Тогда я еще привыкаю.

Нина рассмеялась звонко и легко, так что даже Лиза улыб-

нулась у примуса.

- Ну вот, - сказала Нина. - Уже лучше.

Лиза стояла у плиты в светлом переднике и помешивала что-то в маленькой кастрюле. У нее были очень спокойные движения. Такие бывают у людей, привыкших все делать скромно и незаметно, чтобы никому не мешать.

- Вам класть сахар? - спросила она тихо у Алексея.

- Если это не государственное преступление.

- В этой квартире все - государственное преступление, - буркнул Виктор Михайлович.

Из коридора донеслось:

- Кто опять взял мои спички?

И почти сразу раздраженный женский голос ответил на вопрос:

- Да кому нужны ваши спички, Анна Петровна!

Кухня мгновенно оживилась. Жильцы входили или наоборот покидали ее, хлопали дверцы буфета, протяжно зазвучал закипевший чайник, а Нина, продолжая сидеть на подоконнике, рассказывала про актрису Лидию Карельскую, к которой будто бы ходил поклонник «с усами как у киноартиста».

- Вчера опять приходил, - сообщила она с удовольствием.

- Стоял внизу минут двадцать. Я сама видела.

- Нина, - устало сказала Лиза. - Подсматривать нехорошо.

- Я не подсматриваю. У меня окна во двор.

- Это еще хуже.

- А я считаю, - вмешался Виктор Михайлович, - что мужчина, который стоит под окнами двадцать минут в такую погоду, либо влюблен, либо опасен.

- Или беден, - заметил Алексей.

- Одно другому не мешает.

Снова все засмеялись. Алексей тоже улыбнулся, однако поймал себя на странном ощущении: несмотря на этот шум, разговоры и утреннюю суету, в квартире словно существовало что-то еще. Что-то невидимое, проходящее между людьми тонкой тревожной нитью. Он заметил это, когда в кухню вошла Марфа Степановна. Старушка была маленькая, сухонькая, в темном платье с кружевным воротничком, который выглядел так, будто сохранился еще с дореволюционных времен. Она вошла тихо, почти бесшумно, но разговоры сразу стали тише.

- Доброе утро, - сказала она.

- Доброе, Марфа Степановна, - ответила Лиза.

Нина только кивнула.

Старушка медленно и осторожно поставила чайник греться и вдруг заметила:

- Ночью опять кто-то ходил.

На секунду жилыцы стихли, словно размышляя над сказанным, брошенным невзначай. И даже примус будто зашипел тише.

- Вам показалось, - сказал Виктор Михайлович, отпивая чай.

- Мне не кажется.

- Дом старый.

- И двери сами открываются? - неожиданно Марфа Степановна посмотрела на него колким взглядом.

Нина фыркнула:

- Ну, началось.

Но Алексей заметил, что смеялась она уже не так уверенно.

- Кто-то ходил по дому? - спросил он.

Марфа Степановна перевела взгляд на него.

- А вы, молодой человек, по ночам лучше дверь запирайте.

Не сказав больше ничего, старушка вышла. После ее ухода разговор не клеился и прекратился сам собой. Больше не хотелось ни обсуждать поклонника неизвестной пока Алексею актрисы, ни пить чаю, ни шутить над тем, что Нина слишком любит сладкое.

Девушка на подоконнике первая нарушила тишину:

- Она только и делает, что всех пугает. Все десять лет.

- Девять, - поправил Виктор Михайлович.

- Какая разница, - неожиданно раздраженно ответила Нина, прыгнула с подоконника и ушла из кухни.

После завтрака Алексей отправился в редакцию, однако ощущение странности не отпускало его весь день. Оно возвращалось неожиданно, вспышками - в шуме печатных машин, в редакционных разговорах, даже в запахе типографской краски. Перед глазами все время вставал старый каби-

нет, темные панели, которыми он был отделан, и слова Марфы Степановны о том, что ночью опять кто-то ходил. Значит, ему тоже не показалось? Но кто и зачем?

Вернулся Алексей поздно. В его новом доме уже стихала жизнь. И только за дверями комнат, в приватной части ещё приглушенно разговаривали, где-то на верхнем этаже плакал ребенок, а в кухне капала вода. Обычные, казалось бы, звуки, которые окружают жизнь людей, как раз делая ее живой, но теперь они заставляли испытывать излишнее внимание.

Алексей зажег лампу в комнате и вдруг заметил, что верхний ящик письменного стола слегка скособочен, как будто его задвигали второпях. Он был уверен, что утром задвигал его плотно.

Алексей медленно подошел ближе, поднес источник света к самому столу, рассматривая царапины на ящике. Стол был старый, за годы эксплуатации он мог и не так растрескаться. Может, дерево в пазах рассохлось. Или просто перекосило.

Может...

Он резко выдвинул ящик. Внутри лежали все те же кнопки и старая чернильница. И ничего больше.

Алексей тихо усмехнулся про себя.

- Прекрасно, Воронов. Только день в Ленинграде живёшь, а уже начинаешь бояться мебели.

Он закрыл ящик и сел за стол.

За стеной кто-то прошел по коридору. Потом снова.

Шаги были медленные и неуверенные. Будто человек ста-

рался идти тихо, крадучись.

Алексей поднял голову и, подчиняясь ощущению, вслушался. Шаги стихли прямо возле его двери.

Он замер, забыл как дышать и даже поймал себя на волнении.

В коридоре было тихо. Потом осторожно скрипнула половица и снова все смолкло. Как будто неведомый гость перекатывался, не решаясь войти в комнату.

Алексей резко встал, в три шага пересек комнату и распахнул дверь.

В коридоре было пусто

Только в дальнем конце, возле кухни, качалась лампочка под потолком.

А еще ему показалось - всего на одно мгновение, - что за поворотом мелькнула темная фигура.

Глава третья. Нина

Новое утро началось дождем. Видимо, он начал накрапывать еще ночью - тихий, мелкий, почти незаметный, - а к утру превратился в ту бесконечную ленинградскую морось, которая не падает с неба, а будто просто висит в воздухе. Мокрые стены домов потемнели еще сильнее, вода стекала по граниту набережной, во дворе-колодце тянуло сыростью, и даже окна коммунальной квартиры казались заплаканными. В такую погоду выходить из дома не хотелось. Гораздо приятнее наблюдать за несчастными прохожими, которым пришлось покинуть свои квартиры, из окна.

Алексей проснулся поздно. В редакцию нужно было только к полудню, и впервые за долгое время он позволил себе не вскакивать сразу. Несколько минут он лежал, слушая квартиру. Ему казалось, он начинает привыкать к новым звукам, которые теперь стали его обыденностью - шумела вода на кухне, все так же надрывно и подолгу кто-то кашлял за стеной, а в коридоре старушки шаркали тапочками. И все же, это утро отличалось от вчерашнего. Алексей не сразу понял, чем. И только спустя пять минут он вдруг понял: не было Нины. Именно ее голос вчера первым прорезал утреннюю сонную тишину квартиры: смех, спор из-за чайника, громкие разговоры через весь коридор. Казалось, девушка физически не умела двигаться бесшумно, и даже когда просто

проходила по коридору, оставляла за собой осязаемый след.

Сегодня было тише, чем обычно. Алексей неспешно оделся и вышел на кухню, чтобы вскипятить воды и заварить себе чаю.

За большим некогда обеденным столом, как и утром ранее сидел Виктор Михайлович и читал вчерашнюю газету, близируко приблизив ту к очкам. Лиза стояла у окна и чистила картофель. Ажурные очистки, аккуратные, очень тонкие время от времени падали на подоконник, застеленный газетой. Марфа Степановна гипнотизировала чайник на примусе, но тот не желал греться быстрее, чем мог сам.

- Доброе утро, - сказал Алексей соседям.

- Доброе, - отозвалась Лиза, бросив быстрый взгляд на Воронова. Он поймал его, и Алексею показалось, будто девушка чем-то встревожена. Лиза, не ожидая, что молодой человек будет смотреть в ответ, стушевалась и быстро отвернулась к окну. Алексей усмехнулся про себя: ему показалось, что девушка зарделась.

- А где Нина? - спросил Воронов, наливая воду из-под крана в свой старенький металлический чайник.

Лиза на секунду перестала чистить картофель. Спина ее напряглась, но тут же плечики опустились, и она поникшим голосом сказала:

- Не возвращалась.

- Не ночевала дома?

- Нет. – выдавила Лиза. В голосе ее смешалось волнение

за Нину и в то же время будто сожаление, что Воронов спрашивает не о ее самочувствии или делах, а о Нине.

Виктор Михайлович хмыкнул, не отрываясь от газеты:

- Молодая девица. Может, у знакомых осталась.

- Она бы предупредила, - тихо сказала Лиза.

Старушка сняла вскипевший чайник и пошла вон из кухни.

- Обязательно? – Алексей поставил свой чайник на плиту

- Да.

Марфа Степановна вдруг обернулась у самой кухонной двери.

- Нехорошо это.

- Да перестаньте вы, - раздраженно сказал Виктор Михайлович. - Сразу у вас все нехорошо.

Но Алексей заметил: газету бухгалтер держал вверх ногами.

Еще с минуту в кухне висела странная, будто неловкая тишина, а потом чайник журналиста засвистел, загудел и выдал порцию горячего пара. Лиза оставила картофель и достала из буфета два стакана. Ловко, шустро, хотя это никак не вязалось с ее обычным поведением и манерой говорить, она наполнила посуду кипятком и бросила в него по щепотке чаю. Чаинки закружились в горячей воде, распрямляясь, отдавая кипятку цвет и аромат. Девушка ловко подхватила стаканы с чаем, подошла к столу и поставила перед Алексеем горячий напиток.

- Спасибо вам, Лиза, - поблагодарил Воронов, сел на стул и пододвинул стакан к себе.

- Она никогда не оставалась ночевать вне дома, - сказала девушка негромко. - Ни разу.

- Может, случилось что-то?

- Что?

Ответа у него не было.

Кухня постепенно наполнялась жильцами. Появилась Анна Петровна с мокрыми волосами и вечным недовольным выражением лица, потом прошла актриса Лидия Карельская - сонная, в длинном халате, с тонкой папиросой в пальцах.

- Нина не объявлялась? - спросила она сразу.

Лиза покачала головой.

Лидия нахмурилась.

- Вчера ее видели?

- Вечером, - сказал Виктор Михайлович. - На кухне была.

- А потом?

Все замолчали.

И Алексей вдруг впервые почувствовал, как быстро меняется атмосфера в квартире, когда из нее исчезает один человек. Будто из механизма вынули маленькую, но важную деталь, и теперь все продолжало двигаться, но уже как-то неправильно.

Лиза машинально нарезала черный хлеб на куски и взяла из своего буфета банку варенья. Подвинула то к Алексею и задумчиво сказала:

- Угощайтесь. Это от тетки, она в Новгороде живет, варит из собственного сада.

Алексей кивнул, взял кусок хлеба и намазал его вареньем. Оно было грушевым – тягучие золотистые дольки в янтарной, прозрачной жидкости. Совсем такое, как варила его матушка.

По оконным стеклам медленно текла вода.

- Может, в милицию сообщить? - осторожно спросил Алексей, прожевав кусочек со вкусом их детства.

Виктор Михайлович строго посмотрел на него поверх очков.

- И что вы скажете? Что взрослая девушка домой не пришла? Засмеют.

- Но если...

- Милиции сейчас не до романтических исчезновений.

Лиза, которая собиралась стряхнуть картофельные очистки в ведро, громыхнула им слишком резко.

- Это не романтическое исчезновение.

Все снова посмотрели на нее. Она смутилась и отвернулась к запотевшему окну. Алексей заметил, как дрожат ее пальцы.

После завтрака он все-таки заглянул к Нине. Дверь оказалась не заперта.

Комната была маленькой и удивительно светлой, несмотря на серый день. На спинке стула висело платье, на столе стояла чашка с остатками недопитого чая, возле зеркала

лежала раскрытая пудреница. Кровать осталась неразобранной, будто хозяйка вышла всего на несколько минут.

Алексей остановился посреди комнаты, осматриваясь. Почему-то именно эта аккуратная небрежность насторожила его сильнее всего. В комнате было ощущение внезапного отсутствия человека. Не отъезда, не ухода, а именно отсутствия. Как будто владелица комнаты просто вышла за чем-то на кухню или в уборную.

Алексей медленно подошел к узкому, зашторенному ситцевой занавеской окну. Во дворе под дождем качалось на веревке белье. Ветер трепал его остервенело, будто хотел сорвать мокрые простыни и разбросать по темноватому колодцу. Внизу, возле флигеля Федор колол дрова. Старый дворник поднял голову, будто почувствовав на себе взгляд, и несколько секунд смотрел прямо на окно Нининой комнаты, а потом отвел глаза.

Алексей отошел и отправился прочь. Пора было идти в редакцию. В конце концов, в гости его никто не звал. И задерживаться в комнате девушки было совсем неприлично. Может быть, Нина действительно выскочила к соседям или подруге, припозднилась, да так и осталась ночевать. Сейчас вернется и застанет Воронова спящим по чужой жилплощади. Но Нина не вернулась...

.....

Дорогие, приглашаю вас в одну из книг нашего литмоба.
Анастасия Новицкая "Секрет одной картины", 18+

Аннотация:

Она хотела нарисовать шедевр. А нарисовала улику.

Кира Новикова, талантливая художница на грани выживания, получает заказ, от которого невозможно отказаться.

Полгода работы. Бессонные ночи. И одно лицо незнакомки из старой газеты.

Картину крадут за день до сдачи.

Киру арестовывают, заказчик клянётся её уничтожить, а единственный, кто предлагает помощь Александр Соболев, загадочный детектив, незнакомец, в которого она дважды врезалась.

Но правда окажется страшнее, чем кража.

Сможет ли Кира вернуть картину, найти преступника и выжить, когда за ней охотится тот, кто уже однажды украл чужую жизнь? И кто на самом деле охотится за картиной: безумный коллекционер, ревнивая невеста или преступник, которому есть что скрывать?

<https://litnet.com/shrt/X998>

Анастасия Нов

Все книги литмоба здесь:

<https://litnet.com/shrt/KZ-o>

Глава четвертая.

Страшная находка

Вечером тревога в квартире стала почти осязаемой. Жильцы говорили тише обычного, но голоса у всех были взволнованными. Двери закрывали осторожнее, выходили мало, не болтали весело на кухне. Алексей, вернувшийся из редакции затемно, почувствовал с самого порога, что Нина не вернулась.

Лидия курила у окна на кухне одну папиросу за другой. Обычно она выкуривала три за вечер - ровно три, в перерывах между чашками чая. Сейчас пепельница наполнилась за час.

- Может, действительно к знакомым ушла, - предположила она неуверенно. И затянулась так глубоко, что папироса жалобно затрещала, но выдохнула почти без дыма - просто стояла с полными легкими, боясь выпустить воздух.

- Без пальто? - тихо спросила Лиза.

Все снова замолчали. Пальто Нины висело в коридоре. Старенькое, с потертым воротником и оторванной, да так и не пришитой пуговицей. Оно висело там весь день. И от этого жильцам коммуналки становилось особенно не по себе.

- Может, пальто и не нужно, если к знакомым, - подал голос Виктор Михайлович из полутьмы коридора. Он проти-

рал очки, хотя в сумерках это занятие теряло всякий смысл.
- Молодые женщины иногда... того... легкомысленны.

- Легкомысленны, - внезапно резко повторила Марфа Степановна. - Вчера смеялась на кухне. А сегодня - легко...

Она не договорила, махнула рукой и отправилась в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Ближе к полуночи Алексей ушел к себе. Квартира словно пропиталась тревогой насквозь. Старые стены потрескивали, в трубах шумела вода, по коридору время от времени проходили люди, правда, слишком тихо и как будто осторожно.

Молодой человек сел за старинный письменный стол. Лампа освещала только часть комнаты, а панели на стенах уходили в полумрак. Старый кабинет снова казался ему чужим, враждебным, хранящим опасные тайны.

Алексей попытался отвлечься, принялся читать редакционные записи, чтобы подготовить заметку к завтрашнему номеру, но не мог сосредоточиться. Все время вспоминалась Нинина комната: чашка, неразобранная кровать, платье на стуле. Будто человек исчез в одно мгновение - между двумя шагами секундной стрелки.

За дверью снова слышались шаги. Медленные и очень осторожные. Алексей поднял голову от листков с записями. Кто-то двигался по коридору, а потом вдруг остановился. Повисла тишина, да такая, что слышно было, как в печной трубе гуляет ветер. Воронов встал и подошел к двери.

И вдруг услышал совсем рядом, почти у самой стены тихий скрип. Словно кто-то осторожно нажал на половицу в самом неожиданном месте, там, где паркет никогда не скрипел обычно.

Алексей резко поднялся, за два шага преодолел комнату и распахнул дверь. Коридор был пуст. Лампочка под потолком едва заметно покачивалась. А в самом конце коридора, возле комнаты Нины, дверь была отворена и медленно качалась на петлях от сквозняка.

Туда-сюда. Туда-сюда. Будто из помещения только что вышли.

Лампочка качнулась в последний раз и замерла.

-

Утром квартира проснулась не от шума примусов, стука чайников и привычной утренней ссоры из-за воды - ко всему этому старый дом давно привык и принимал эти звуки как часть собственной жизни, - а от короткого женского вскрика, который внезапно прорезал тишину двора и оборвался так резко, будто кто-то зажал человеку рот ладонью.

Алексей мгновенно проснулся. Несколько секунд он лежал неподвижно, еще не понимая, что именно его разбудило, и только чувствуя то неприятное внутреннее напряжение, которое появляется раньше мысли, раньше страха и осознания беды.

Потом в коридоре затопали. Кто-то быстро пробежал ми-

мо двери. Послышался голос Лизы:

- Господи... Нет...

И почти сразу раздался глухой окрик Федора:

- Не ходите сюда! Назад, говорю!

Алексей вскочил с кровати. За окном было удивительно ясно. Ночной дождь прекратился, но в еще мутном свете раннего утра двор-колодец выглядел особенно узким и глубоким, словно стены дома за ночь придвинулись еще ближе друг к другу.

Когда Алексей выбежал в коридор, жильцы уже толпились у выхода на лестницу.

Лидия Карельская стояла бледная, с накинутым поверх ночного халата пальто и дрожащей папиросой в руках. Она так и не прикурила ее, мяла пальцами, рассыпая табак. Виктор Михайлович торопливо протирал очки платком, хотя стекла у него были совершенно чистыми, и всё повторял шепотом: «Не может быть, не может быть...» Марфа Степановна сидела на табурете возле стены и беззвучно крестилась, и губы ее двигались быстро-быстро, как у заводной куклы. Лиза тихо, почти неслышно плакала. Она стояла, прижав ладонь ко рту, и смотрела вниз, на лестницу таким взглядом, будто всё еще надеялась, что свершилась ошибка. Слезы текли по щекам, но она их не вытирала, а просто не замечала.

Алексей вдруг все понял. Еще прежде, чем кто-либо произнес имя.

Сердце неприятно сжалось.

- Нина? - спросил он.

Никто не ответил. Марфа Степановна перестала креститься и только коротко кивнула один раз, будто ставя точку. Жильцы так и не решались спуститься по лестнице вниз, во двор.

Федор стоял внизу, возле своего флигеля. Старый дворник казался сейчас особенно грузным и усталым, словно за одну ночь постарел на несколько лет. Он держал в руках кепку. Обычно он ее не снимал даже в помещении, а сейчас мял в пальцах, как Лидия мяла недокуренную папиросу, и всё время оглядывался на двери арки, будто ждал кого-то.

Алексей обошел соседей и вышел в темное пространство. Выглянул в крохотное окошко лестничного пролета. Во дворе уже собирались люди. Из соседних окон выглядывали жильцы. Кто-то шептался. На мокрых камнях блестела дождевая вода, а возле стены флигеля лежало что-то темное, неподвижное.

Лидия резко отвернулась, уперлась лбом в косяк и замерла.

Лиза испуганно закрыла глаза.

Алексей чертыхнулся и на ощупь стал спускаться по лестнице. Он не помнил, как оказался во дворе.

Только ощущение сырости, запах мокрого кирпича и железа и странную, почти невозможную тишину, которая повисла над домом. Даже город за аркой будто отступил куда-то далеко. Не слышно было ни трамваев, ни голосов, только во-

да капала с карнизов.

Кап. Кап. Кап.

Нина лежала возле стены флигеля. На ней было то же темное платье, что и позавчера вечером, только волосы распустились и прилипли к влажным камням вокруг головы, будто темный нимб. Одна рука была неловко подвернута, словно она пыталась за что-то ухватиться в полете, но не успела, а лицо казалось удивленным. Не испуганным, а именно удивленным, как у человека, который до последней секунды не верил, что с ним действительно происходит что-то страшное.

Алексей остановился в нескольких шагах. Ему вдруг стало холодно, хотя воздух во дворе был почти теплым.

- Нашел ее дворник, - тихо сказал кто-то за спиной. Кажется, рыжий парень из квартиры, что напротив нашей.

- Упала?

- Да кто ж знает...

- Может, сама...

- Нина-то?

Шепот быстро оборвался. Федор поднял голову и встретился взглядом с Алексеем. В глазах старого дворника промелькнуло что-то странное - не только страх или горе, но и растерянность человека, который внезапно понял, что беда, долго ходившая где-то рядом, наконец вошла в дом.

- Милицию послали звать, - глухо сказал он. - Должны быть с минуты на минуту.

Алексей медленно подошел ближе. Он никогда прежде не

видел мертвых так близко. Нет, видел, конечно, во время гражданской войны - на станциях, в больницах, на улицах провинциальных городов, где смерть тогда стала почти привычной частью жизни. Но тогда, в его юности всё было иначе - шумно, грязно, страшно, и общее горе размывало отдельное человеческое лицо.

А здесь... Здесь лежала Нина. Та самая, которая еще позавчера смеялась на кухне так, что звякали чашки в буфете, сидела на подоконнике и спорила из-за сахара. И от этого происходящее казалось особенно неправильным. Он заметил, что девушка без пальто, в одном тонком платье, хотя ночью было холодно.

Потом взгляд зацепился за след на рукаве. Темный отпечаток пальцев выше локтя. Четверо пальцев - и отдельно большой, чуть в стороне. Словно кто-то очень сильно схватил ее и держал, держал так, что рукав не расправился до сих пор.

- Не смотрите долго, - тихо сказал Федор, перехватив его взгляд. - Тяжело потом. Себе дороже.

Но Алексей почти не слышал его.

Что-то не складывалось. Он сам не понимал, что именно. Неуловимая мелочь, какое-то ощущение неправильности. Будто вся сцена была чуть сдвинута, как плохо поставленная декорация в театре: все предметы на месте, а свет падает не оттуда и тени ложатся иначе, чем должны.

В этот момент из арки во двор вошел милиционер. Моло-

дой, краснощекий, в мокрой шинели - он натянул ее наспех, не застегнув верхние пуговицы. Сотрудник при исполнении выглядел раздраженным человеком, которого слишком рано подняли с постели.

- Где?

Федор молча показал рукой в сторону стены.

Милиционер подошел к телу, тяжело, со свистом вздохнул, как человек, которому эта картина надоела еще пять лет назад, и присел на корточки.

- Документы есть?

- В комнате должны быть, - ответила Лидия сверху, не поворачивая головы - так и стояла, упершись лбом в косяк входной двери.

- Ясно.

Он поднялся и оглядел двор, прикидывая, сколько бумаг ему теперь заполнять.

- Кто нашел?

- Я, - сказал Федор.

- Когда?

- Утром. Дрова пошел колоть. Еще светало.

Милиционер кивнул так, будто ему уже всё было ясно. Он сунул руки в карманы шинели. Жест был почти домашний, будто он не на месте происшествия, а на кухне, у плиты, ждет, когда вскипит чайник. Это почему-то разозлило Алексея.

- Вы думаете, это несчастный случай? - спросил он.

Милиционер посмотрел на него устало, сверху вниз, оценивающе.

- А вы кто будете?

- Журналист. Живу здесь.

- Тогда советую вам журналистикой и заниматься, - ровно, без злобы, просто констатируя факт. - Напишите очерк. «Утро в коммуналке». А мы уж свое дело сделаем.

Он снова взглянул на Нину.

- Могла поскользнуться. Темно было. После дождя камни мокрые.

- Без пальто? - Алексей с трудом удержал голос ровным.

- Молодежь нынче странная, - милиционер пожал плечами.

Он говорил равнодушно, почти лениво, но Алексей заметил: даже милиционер старается не смотреть девушке в лицо слишком долго. Взгляд представителя власти скользил по платью, руке, по мокрым камням, но в лицо тот не посмотрел ни разу.

Черный кот сидел возле арки. Мокрый после дождя, с прижатыми ушами и настороженными зелеными глазами. Он не подходил ближе, только смотрел встревоженно. И вдруг тихо зашипел в сторону флигеля так, что у Алексея волосы на затылке шевельнулись.

Федор резко обернулся. Алексей проследил за его взглядом. Ничего. Только обветшалые стены, старые дрова под навесом - беспорядочная груда щепы и полешек - и темное ок-

но флигеля.

Неприятное ощущение вернулось снова. Сильнее прежнего. Словно кто-то незримый всё еще оставался рядом. Прямо здесь и сейчас.

Глава пятая. Кот, который знает больше

Тело наконец унесли, завернув в простыню и погрузив на выдавшую виды санитарную машину, увезли туда, где больше для проформы будут выяснять то, чего уже не изменить.

Жильцы дома, даваясь словами и путаясь в показаниях, объяснились с уставшим милиционером и поднялись обратно в квартиру, и каждый из них вдруг почувствовал одно и то же: их общее жилище стало другим. Те же стены, потемневшие от времени и ленинградской сырости. Тот же длинный и узкий коридор, по которому еще вчера с грохотом бегали дети и где по вечерам спорили из-за очереди на плиту. Те же запахи кухни - жареного лука, керосина, чайной заварки, залитой кипятком, и сырого дерева от облупившихся оконных рам, не знавших малярной кисти уже лет десять. Но теперь дом будто сжался внутри себя, затаился, насторожился. Будто старые кирпичные стены вдруг обрели чуткий слух и теперь вслушивались в каждый шорох вместе с людьми. Что еще произойдет? И самое главное, с кем?

Жильцы говорили шепотом. Двери закрывали осторожно, со щелчком проверяя замки и еще несколько секунд задерживаясь у них ладонью, словно опасаясь, что кто-то с той стороны попытается открыть снова. А любой неожиданный

звук, будь то скрип половицы под чужим шагом, звон посуды в чьей-то комнате или далекий трамвайный гудок за окном, заставлял людей вздрагивать и на мгновение замирать, прислушиваясь к собственному сердцу.

Алексей вернулся в свою комнату - в кабинет с высоким потолком и обитыми деревянным панелями стенами. Он не знал, чего хотел больше: тишины, которая позволила бы не думать, или разговора, который отвлек бы от того, что он видел сегодня во дворе.

В редакцию он так и не попал. Отправил записку с мальчишкой-курьером, короткую, нелепую строчку о том, что задержан по домашним обстоятельствам. Формулировка была глупой и почти смешной в своей казенной бездушности, но ничего другого он не придумал. Писать «по причине смерти соседки» было бы слишком странно.

«Домашние обстоятельства» звучали скучно, но не требовали пояснений. Но за этой обыденной формулировкой пряталась смерть. Смерть девушки, которая еще вчера смеялась на кухне и спорила из-за сахара, свесив ноги с подоконника и болтая чашкой в руке.

Он зажег лампу, хотя за окном стоял день, и сел за письменный стол. Голова была тяжелой, как после долгой болезни, а мысли ворочались медленно и неохотно, постоянно возвращаясь к одному и тому же: мокрые камни двора-колодца, темное платье, распустившиеся волосы, прилипшие к камням влажным венцом. И лицо - не испуганное, а удив-

ленное. Как у человека, который до последней секунды не верил, что с ним действительно происходит что-то страшное, и умер с этим недоверием на губах.

Старый кабинет казался теперь еще более чужим, чем в первый день. Темные деревянные панели на стенах уходили в полумрак, теряясь в углах, куда даже дневной свет боялся заглядывать. Книги на полках - старые, в потрескавшихся переплетах, с выцветшими корешками пахли пылью, и вдруг этот запах показался Алексею запахом самого времени: того, что ушло из этого дома навсегда и оставило после себя только молчаливые вещи, которым нет никакого дела до живых. Массивный письменный стол стоял перед ним. Он был тяжелый, мрачный, удивительно спокойный, будто все происходящее в квартире, смерть Нины, страх соседей, шепот по ночам, не имело к его темному дереву ни малейшего отношения.

Алексей машинально выдвинул верхний ящик, просто чтобы занять руки, чтобы сделать хоть что-то привычное, чтобы не сидеть без движения, глядя в одну точку. Внутри, как и в прошлый раз, лежали пустяки: старая чернильница с засохшими на доньшке синими каплями, похожими на крошечные замерзшие озера; несколько забытых пожелтевших кнопок, рассыпавшихся по деревянному дну; красный, с оплавленным краем обломок сургуча, напоминающий застывшую каплю крови. Ничего такого, за что мог бы зацепиться глаз.

Он уже хотел закрыть ящик, как вдруг что-то остановило его. Какая-то неуловимая мелочь, а именно - странное чувство неправильности. Алексей нахмурился и посмотрел внимательнее. Дно ящика казалось слишком высоким, сантиметра на два, может, на три, но взгляд цеплялся за эту особенность, не в силах ее игнорировать. Он медленно провел пальцами по дереву, ощущая под подушечками сдержанное тепло - обычную, живую теплоту хоть и старой, но настоящей древесины, которая помнила прикосновения многих рук. Потом осторожно постучал костяшками. Звук был глухим, совсем не таким, каким должен был быть у пустого ящика. Не звонким, отзывчивым, гулким, а придавленным, будто под тонким дном лежало что-то мягкое или, напротив, слишком тяжелое, отнимавшее у пустоты право на отзвук.

Алексей выдвинул ящик до конца, заглянул внутрь, осмотрел каждую щель, каждый стык, каждый уголок, где могла бы спрятаться потайная пружина. Ничего. Ни малейшей щели, ни крошечной ручки, ни подозрительной царапины, которая могла бы выдать секрет. Только старое, стертое, потемневшее от десятилетий дерево, покрытое сетью мелких трещин, как морщины на лице человека, прожившего долгую и нелегкую жизнь.

Но дно было слишком высоким. И это не давало покоя.

Алексей откинулся на спинку стула и усмехнулся собственной затее неловкой, полудетской усмешкой, которой человек прикрывает нелепость своих подозрений.

- Прекрасно, - сказал он сам себе, и голос его прозвучал хрипло и чуждо, будто принадлежал не ему вовсе. - Теперь я подозреваю ни в чем не повинную мебель.

Шутка не удалась. Губы лишь болезненно искривились, сложившись в горькую гримасу, которая тут же погасла, не найдя отклика ни в чем - ни в тишине комнаты, ни в собственном сердце.

Он закрыл ящик.

И в ту же секунду за дверью послышался странный звук. Это были точно не шаги, а скорее смутное ощущение осторожного, почти невесомого прикосновения. Будто кто-то задержался у его двери, прижавшись лбом к косяку, и прислушивался, едва дыша в щель между старыми, разохшимися досками, стараясь не выдать себя ни единым лишним движением.

Алексей замер, превратившись в один сплошной слух. Сердце толкнулось где-то в горле и затихло, будто тоже от страха. Он медленно, стараясь не шуметь, поднялся со стула, бесшумно ступая босыми ногами по холодному полу, подошел к двери и резко, не давая себе времени на раздумья, распахнул ее настежь.

Коридор был пуст. Только серая полуденная полутьма, только привычные запахи старого дерева и керосиновой лампы где-то в соседней комнате. Ни души. Ни шороха. Только лампочка под потолком слабо покачивалась, хотя никто не

проходил мимо.

- Снова кажется, - пробормотал Алексей с раздражением, чувствуя, как напряжение медленно отпускает мышцы плеч, стекая куда-то вниз, к коленям, которые вдруг стали ватными.

Он опустил глаза, и в полумраке коридора, у самого порога увидел черного кота.

Тот сидел неподвижно, как изваяние, как древний страж, забытый хозяевами у дверей заброшенного храма. Тот смотрел не на Алексея, а вглубь квартиры, туда, где коридор терялся в черноте, где даже днем было темно, как ночью. Кот как будто ждал, что его впустят, но не просился, не мяукал, не терся о косяк. Просто сидел и смотрел. В его желтых, чуть светящихся в полутьме зрачках мерцало что-то настороженное, почти человеческое.

Алексей негромко чертыхнулся, больше для себя, чем для кота, который все равно не понял бы ни слова, даже если бы говорил на всех языках мира.

- Так вот, кто меня пугает! - сказал он, стараясь придать голосу бодрость, которой не чувствовал ни на грамм. - Это ты, да, меховая шкурка? Как тебя хоть зовут?

Кот не ответил. Он даже не повернул головы. Только медленно моргнул один раз, как часовой, который подает знак: «Все в порядке, но бдительности не теряй». Алексей про-

следил за его взглядом, и только тогда понял, что кот смотрит не в темноту, а на лампочку в самом конце коридора. Та медленно и равномерно покачивалась, как маятник старых часов. Туда-сюда. Туда-сюда. Хотя сквозняка в коридоре не было: двери всех комнат плотно закрыты, окно в торце забито фанерой, и в целом в коридоре не было ни щели, ни дуновения ветра.

А лампочка все равно качалась, будто кто-то невидимый только что толкнул ее плечом, проходя мимо. Тень от нее ползла по стене - длинная, черная, ломаная, как чужой силуэт, распластаный по старым обоям в мелкий цветочек. И Алексею на мгновение почудилось: тень движется не вслед за лампочкой, а сама по себе. Скользит вдоль стены куда-то в сторону черной лестницы, туда, где даже в полдень царил липкий, почти осязаемый полумрак.

Кот медленно поднялся, ступая мягко, неслышно, и пошел в ту сторону, куда указывала тень, не оглядываясь и не оборачиваясь.

Глава шестая. Решимость

Смерть всегда меняет пространство. Особенно в коммунальной квартире, где чужая жизнь поневоле становится частью твоей собственной.

На следующий день после того, как Нину унесли со двора, с утра неожиданно пошел мокрый снег, возвращая Ленинград из сырой, но все-таки весны снова в зиму. Крупные хлопья лениво кружились над Фонтанкой и сразу таяли на чёрной воде канала, на гранитных ступенях, на крышах изредка проезжающих машин и кутающихся в пальто прохожих. Ленинград снова выглядел серым, промокшим и усталым, будто ночью он очень мало спал, а больше ворочался, никак не мог улечься, да все думал о странностях, что в нем творились. Совсем как Воронов.

Алексей сидел в редакции, но почти не слышал, что говорил ему редактор. Перед глазами молодого человека всё время стоял двор-колодец, и это ужасно выматывало. Он пытался не думать о том, что увидел вчера утром, но в голове то и дело всплывало темное платье Нины, странное – не испуганное, а удивленное выражение на её лице, будто в последний свой миг она увидела рядом с собой человека, которого не ожидала увидеть, и мокрые холодные камни, на которых девушку обнаружили.

- Воронов!

Алексей вздрогнул и оторвал глаза от чистого листка, который перед ним лежал.

- Да?

Редактор раздражённо постучал карандашом по столу.

- Я спрашиваю: вы материал сдадите сегодня или мне самому ехать на завод?

- Сдам.

- Тогда пишите, дорогой, пишите, а не смотрите в окно так, будто мечтаете о небесных кренделях.

Алексей кивнул, но работать всё равно не мог. В квартире на Фонтанке происходило что-то неправильное. Он чувствовал это почти физически. И связано оно было даже не с убийством Нины. Скорее, чувствовал Воронов, смерть девушки – лишь следствие. А дело там совсем в другом. Это подтверждалось двойной, какой-то скрытной частью жизни его соседей. Юноша понимал, что все логично, и у каждого жильца есть собственные скелеты в шкафу, говорить о которых им попросту не хочется. Но, когда дело касается убийств, а смерть Нины никак не походила на естественную, стоит отбросить всякую деликатность к прошлому соседей. А с другой стороны, какие у него были полномочия, чтобы вмешиваться в жизнь чужих людей? Или все-таки были?

Наверное, именно в этот момент Алексей понял: как бы он не хотел устраниться от произошедшего, но человеческое беспокойство, профессиональный интерес и журналистская чуйка не дадут ему оставить это дело на отписку милиции.

Сейчас он соберется с мыслями, напишет важную заметку в завтрашний номер о передовиках завода «Красный путилловец», а потом займется расследованием. Эта мысль сначала напугала Воронова, но потом он понял, что, решив сейчас окончательно, он будто бы испытал облегчение. Все теперь стало ясным, как погожий день. И чем быстрее он поймет, что за странности творятся в доме на Фонтанке, тем больше жизней спасет. То, что смерть девушки-болтушки — лишь первая в цепочке странных происшествий, Воронов отчего-то не сомневался.

К вечеру снег превратился в ледяную кашу, которая хрустела под ногами, создавая неприятный наст. Ноги в поношенных штиблетах промокли от влаги, холодный ветер забирался под воротник тоненького пальто, но Алексей не замечал этих перипетий судьбы. Он был увлечен размышлениями, версиями и планом опроса свидетелей.

В коммунальной квартире, куда влетел Алексей, не чуя вымокших ног, было тихо и темно. В общем коридоре пахло сырým углем. Видимо, кто-то из соседей промерз в сырой комнате и решил растопить камин. Так и быть, у входа в комнату Виктора Михайловича стояло погнутое ведро с остатками черной пыли в нем и рядом совок, которым обычно вычищали из печки золу.

В квартире было тихо, даже на кухне стояла непривычная тишина. Не шипели примусы, и Анна Петровна не ходила размашистыми шагами по коридору, покашливая.

Лиза сидела на стуле у кухонного окна в полном одиночестве. Перед ней стоял нетронутый стакан с чаем, давно остывший и подёрнувшийся мутной плёнкой. Девушка смотрела во двор, но, кажется, ничего там не видела, а была погружена лишь в свои мысли. При свете керосиновой лампы её лицо казалось особенно бледным.

Алексей, сам того не ожидая, вдруг заметил, какие у неё тоненькие руки - почти прозрачные у запястий, с чуть выступающими синими жилками вен. Растерянный вид ее говорил о том, как сильно она устала за эти два дня не внешне, а внутренне. Как ранена была ее душа, которая неимоверно хотела оплакивать подругу, но слезы не могли пролиться, они остановились где-то по пути к глазам. Будто смерть Нины неожиданно заставила её почувствовать хрупкость всего привычного мира вокруг.

- Вы не ужинали? - спросил Алексей, выкладывая из бумажного пакета на стол кое-какую снедь – банку консервов, четверть черного хлеба и сушки к чаю.

Лиза вздрогнула и обернулась.

- Не хочется.

Он сел напротив. Некоторое время оба молчали. На кухне было тепло, но тревога словно въелась в стены вместе с запахом керосина и старого дерева.

За окном медленно падал снег, еще не зная, что в луже на каменной мостовой ему придется растаять и превратиться в грязь.

- Милиция приходила? - спросил Алексей.

Лиза кивнула.

- Снова спрашивали одно и то же. Не было ли у Нины знакомых. Не уходила ли она раньше. Не говорила ли чего-нибудь странного.

- И?

- Кажется, они считают, что это несчастный случай.

Она произнесла это почти шёпотом, но в голосе прозвучала горечь.

- А вы?

Лиза долго не отвечала.

Потом тихо сказала:

- Я думаю, Нина чего-то боялась.

Алексей поднял голову.

- Почему?

Лиза провела пальцем по краю стакана.

- Последние дни она всё время смотрела во двор. Несколько раз спрашивала меня, не замечала ли я чужого возле дома.

- Какого чужого?

- Не знаю. Она сама не говорила.

- А вы не спрашивали?

Лиза едва заметно улыбнулась.

- Нина любила тайны. Ей нравилось, когда она одна знает то, что не знают все вокруг.

На секунду в воображении Алексея снова возникла прежняя Нина - смеющаяся, шумная, живая. И от этого стало

только тяжелее.

- Она с кем-нибудь встречалась? - осторожно спросил Алексей.

Лиза нахмурилась.

- Возможно.

- С тем человеком, который приходил к Лидии?

- Может быть.

- Лидия его знает?

- Не уверена.

В коридоре скрипнула дверь и за нею раздались быстрые шаги.

Оба невольно замолчали.

Но это оказался Виктор Михайлович. Он прошёл мимо кухни, вынес на черную лестницу ведро из-под угля, рассеянно кивнул им и снова исчез в коридоре.

Когда шаги стихли, Лиза заговорила тише:

- За день до исчезновения Нина с кем-то поссорилась.

- С кем?

- Я не видела. Только слышала голоса в коридоре.

- Мужской?

- Да.

- О чем они говорили?

Лиза покачала головой.

- Не разобрала. Но Нина потом была очень испугана.

- Она рассказывала вам?

- Нет. И это было странно.

- Почему?

Лиза впервые посмотрела Алексею прямо в глаза. И он увидел, что на ее ресницах блеснули слезы.

- Потому что Нина рассказывала мне всё. А в этот раз промолчала.

На кухне снова стало тихо.

За стеной выше этажом кто-то глухо кашлянул.

Алексей вдруг понял, что ему мучительно хочется защитить эту девушку - от чертовщины, творящейся в квартире, от страха, от всей этой тяжёлой, липкой тревоги, которая постепенно заполняла дом. Странное чувство, совсем новое для парня. Он не привык думать о ком-то ещё. Но сейчас ему казалось неправильным, что Лиза сидит здесь одна, с остывшим чаем и испуганными глазами, в доме, где по ночам кто-то ходит по коридорам, а люди начинают погибать один за другим.

- Вы боитесь? - спросил он неожиданно.

Она помолчала.

Потом честно ответила:

- Да.

И это короткое слово прозвучало страшнее, чем если бы она закатила истерику. Потому что Лиза, несмотря на свою хрупкость, не была человеком, который легко признаётся в страхе.

Алексей хотел что-то сказать, но в этот момент сверху слышался глухой удар на черной лестнице, будто кто-то уро-

нил тяжёлый предмет. Потом – снова тишина.

Оба вздрогнули. Алексей решительно поднялся и подошел к двери. Секунда и он распахнул ее резко, от чего дверное полотно жалобно пискнуло. В темноте черной лестницы было тихо. И только пустое ведро валялось внизу лестничного пролета. Это было странным, на запасной лестнице не было сквозняков.

- Что там? – с тревогой спросила девушка.

- Ничего, просто Виктор Михайлович поставил ведро неровно, оно и упало. – как можно спокойнее ответил Воронов, чтобы ее не пугать.

Лиза медленно перевела бледное лицо на юношу.

- Кто-то ходит по ночам.

Алексей почувствовал, как внутри неприятно похолодело. Значит, не одному ему так кажется которую уж ночь?

- Вы уверены?

- Я слышала вчера. И позавчера тоже.

- Может, жильцы?

- Нет.

Она сказала это слишком быстро и уверенно. И Алексей отчётливо понял: кто-то действительно приходит сюда по ночам. Не случайно. Ищет что-то. И ему, Алексею Воронову, предстоит разобраться, что именно.

Глава седьмая. Павел

Подозрение поселилось в квартире тихо, как плесень. Ее не сразу замечаешь, а потом раз, и она уже повсюду. Алексей почувствовал это, едва войдя на кухню: разговор у стола оборвался так резко, будто его перерезали ножницами. Анна Петровна размешивала что-то в кастрюльке с видом человека, давно не верящего в людей. Виктор Михайлович сидел перед аккуратно сложенной газетой, но не читал ее. Лиза резала хлеб тонкими ломтями, и по тому, как она держала нож, было ясно: разговор был неприятный.

- О чем говорили? - спросил Алексей, наливая чаю.

- О том, - резко поставила ложку Анна Петровна, - что некоторые люди по ночам домой возвращаются так, будто не домой, а на склад.

- Вы кого имеете в виду?

Анна Петровна посмотрела на дверь.

- Павла.

Имя повисло в кухне тяжело и неприятно.

Павел жил в дальней комнате у конца коридора. Работал на заводе, возвращался поздно, ходил быстро и шумно, дверями хлопал так, что дрожали стекла. Алексей успел перекинуться с ним всего парой слов, но уже заметил в нем ту резкую молодую раздражительность, которая часто бывает у людей, слишком рано решивших, что жизнь им недодала.

- Он вчера опять пришел за полночь, - сказала Анна Петровна. - И не один раз.

- Как это?

- Сначала ушел. Потом вернулся. Потом опять куда-то выходил. Бродил полночи, дверями хлопал, я слышала.

Слышать - не значит видеть, - сухо заметил Виктор Михайлович.

- В этой квартире слышать иногда достаточно.

Лиза молчала, опустив глаза. Алексей повернулся к ней:

- Ты тоже слышала?

Она помедлила.

- Да. И раньше тоже. Но после смерти Нины... все кажется иным.

Марфа Степановна вдруг тихо сказала из угла:

- У него с Ниной нехорошо было.

- Что значит нехорошо?

Старушка поджала губы.

- Ссорились. До того, как она пропала.

- Я тоже слышала, - подхватила Анна Петровна. - Она ему сказала: «Не смей больше просить». Вот так и сказала.

Лиза подняла голову.

- Я этого не слышала.

- А я слышала.

- Анна Петровна...

- Что? Молодые тоже бывают жадные, - отрезала та.

Это слово – «жадные» прозвучало особенно неприятно.

Алексей вдруг вспомнил Нинину комнату: аккуратно оставленное платье, чашку на столе, пальто в коридоре. И след на рукаве - четыре пальца и отдельно большой, чуть в стороне. Кто-то держал ее очень крепко.

- А что он мог у нее просить?

Никто не успел ответить.

Из коридора донесся тяжелый шаг.

В дверях кухни появился Павел. Высокий, широкоплечий, с красными от холода руками и упрямым лицом, на котором слишком явственно проступала усталость. Волосы влажные, пальто расстегнуто, сапоги в грязи.

Он сразу понял, что разговор был о нем.

- Чего уставились? – грубо бросил парень.

Анна Петровна отвернулась к плите. Виктор Михайлович аккуратно сложил газету. Лиза опустила глаза. И только Алексей смотрел на Павла прямо.

- Вы поздно вернулись вчера.

- А вам какое дело?

- После смерти Нины всем есть дело.

Лицо Павла изменилось - не сильно, только в уголках рта появилось что-то жесткое.

- Я на заводе был.

- До ночи?

- А потом по делам.

- По каким?

- Личным.

Он взял из своего шкафчика кусок хлеба, но есть не стал. Сжал его в руке так, что мякиш смялся.

- Вы с Ниной ссорились? - спросил Алексей.

Павел резко поднял глаза.

- Кто сказал?

Анна Петровна кашлянула. Павел посмотрел на нее, потом снова на Алексея.

- Ссорились. И что?

- Из-за чего?

- Не ваше дело.

- Возможно, уже мое.

Павел шагнул ближе. Кухня притихла, даже примус перестал шипеть так громко.

- Вы, товарищ журналист, - сказал он низко, - лучше пишите про своих ударников. А в чужую жизнь не лезьте.

Он бросил смятый хлеб обратно на стол и вышел. Дверь хлопнула так, что у Анны Петровны звякнула крышка на кастрюле.

- Вот видите, - тихо сказала та. – Люди с чистой совестью так не говорят.

Но Алексей не был уверен. Павел был груб, он что-то скрывал. Но страх в его глазах, когда прозвучало имя Нины, был не похож на вину. Скорее на испуг человека, которого загнали туда, куда он не хотел попадать.

Алексей поставил стакан и вышел вслед, не за Павлом, но во двор.

Федор колол дрова у флигеля. Неторопливо, привычно - каждый удар точный, без лишнего замаха. Увидев Алексея, он не остановился, только чуть замедлился.

- Вопрос есть, - сказал Алексей.

- Спрашивайте.

- Вы давно здесь?

- В доме-то? - Федор опустил топор и вытер руки о ватник.

- С пятого года.

- То есть, вы застали революцию?

- Конечно, куда б я делся отседова. Так и живу тут, как прежние хозяева съехали.

- Съехали?

Федор помолчал.

- Ушли. Все ушли, кто как, по-разному. - расплывчато объяснил дворник, так, что понятнее Алексею не стало.

- Комната, где я живу. Чья она была?

Старик посмотрел на него долго, так, будто примеривался, сколько можно сказать и сколько лучше промолчать.

- Горских. Ювелир был. Хороший человек.

- Что с ним стало?

- Восемнадцатый год, сами понимаете.

Алексей понимал. Но все-таки спросил еще:

- А дети у него были?

Что-то в лице Федора дрогнуло - едва заметно, как вода под слабым ветром.

- Был мальчик. Митя.

- Что с ним стало?

- Не знаю, - сказал Федор и отвернулся к пленнице. - Давно это было.

Врал. Алексей это понял сразу: по тому, как дворник снова взял топор и отвел взгляд слишком быстро.

- Федор. В комнате стоит старый письменный стол. От Горских остался?

Дворник не обернулся.

- От него.

- Вы никогда не пробовали заглянуть внутрь?

Долгая пауза. Удар топора. Еще один.

- Нет, - сказал Федор наконец. - Не мое это дело.

Но руки его сжали топором чуть крепче.

И Алексей впервые подумал: не он один знает о столе. И не он один молчит.

В редакции в тот день он почти не работал. Сидел, делая вид, что правит заметку о заводском собрании, а сам раскладывал по порядку то, что знал.

Итак, в 1918 году ювелир Горский исчез из дома и больше тут не появлялся. Надо бы выяснить в архиве, куда – занес пометку в свой блокнот Алексей. Стол остался в комнате, которую теперь занимал Воронов. Он принадлежал ювелиру. Мог ли Горский что-то спрятать в столе? Понятно, что не золото. Хотя... Алексей задумался. Кто-то об этом знает. Кто-то ходит по ночам и ищет. Нина жила в соседней комнате, слышала эти шаги раньше других и боялась. Спраши-

вала Лизу про чужого возле дома. За день до гибели с кем-то поссорилась. Сказала: «Не смей больше просить». Павел просил ее о чем-то. Она отказала. Он ссорился с ней и что-то продавал по ночам. Но если Павел убийца, зачем ему теперь лезть в ее комнату? Что он там ищет? Или ищет не он?

Алексей отложил карандаш.

Два человека ходят по квартире ночами. Павел - с понятной корыстью. И кто-то еще - с другой целью. Тот, кто знает про стол и какие-то сокровища в нем.

К полудню к нему подошел Иван Аграфенов, как всегда, легко и весело, с папкой под мышкой и тем быстрым взглядом, который скользил по лицу и сразу все замечал.

- Вы сегодня выглядите так, будто собираетесь разоблачить министра-коррупционера.

- Пока только соседа.

- Это опаснее. Министры далеко, соседи рядом.

Иван сел на край стола.

- Из-за той девушки?

- Она погибла не случайно.

Иван помолчал.

- У вас есть подозреваемый?

- Есть человек, который слишком много врет. И есть ощущение, что он врет не о том.

Иван чуть наклонился вперед:

- То есть?

- Павел - рабочий из нашей квартиры. Он ссорился с Ни-

ной, но я не уверен, что он убийца. Он сам кого-то боится.

- Он продает вещи?

- Откуда вы знаете?

- Догадываюсь. В старых коммуналках всегда что-нибудь пропадает - ложки, рамки, книги. Потом все это оказывается на толкучке.

Иван сказал это легко. Возможно, хотел пошутить и разрядить обстановку, но шутка не удалась.

- Ты хорошо знаешь коммуналки? - спросил Алексей.

- Кто же их теперь не знает.

- Можешь помочь? - спросил Алексей неожиданно для себя.

- Чем?

- Узнать, куда Павел ходит после работы.

- Следить?

- Наблюдать.

- Разница принципиальная? – снова пошутил Аграфенов и Алексей, наконец, позволил себе улыбнуться. Но не потому, что ему было смешно, а, чтобы поддержать приятеля.

- Для журналиста - да.

Иван тихо засмеялся.

- Хорошо. Понаблюдаем.

Вечером они встретились у проходной завода. Над Ленинградом повисла густая сизая мгла, в которой фабричные трубы казались черными мачтами затонувших кораблей. Из ворот валили рабочие - усталые, мокрые, с лицами, потемнев-

шими от копоты и холода.

Павел вышел одним из последних. Оглянулся, не как человек, ожидающий знакомого, а как человек, боящийся увидеть того, кто ему не нужен. И быстро пошел в сторону переулков.

Алексей и Иван держались поодаль.

- У вас талант, - прошептал Иван. - Вы идете за человеком так заметно, что он должен быть слепым, чтобы не обернуться.

- Тогда иди ты.

- Я? Я слишком честен для слежки.

- Вот именно.

Павел свернул в темный сквозной двор, потом еще в один. Улица становилась все уже, темнее, грязнее. Здесь пахло углем, конским навозом и дешевым самогоном. В подворотнях стояли люди, разговаривали коротко, вполголоса, и замолкали, когда мимо проходили чужие.

Наконец Павел остановился у низкой двери в полуподвал. Постучал. Ему открыли. Исчез внутри.

- Приятное место, - тихо сказал Иван.

- Знаешь, что это?

- Похоже на скупщика. Или на человека, который очень не хочет платить налоги.

Они ждали почти двадцать минут. Когда Павел вышел, в руках у него уже ничего не было, но карман пальто заметно оттопыривался. Он снова оглянулся и быстро пошел прочь.

Алексей хотел двинуться за ним, но Иван удержал его за рукав.

- Не надо. Он сейчас испуган. Если заметит нас, все испортим.

- Значит, что-то продал.

- Похоже.

- Вещи из квартиры?

Иван помолчал дольше обычного. Смотрел на темную дверь с выражением, которое Алексей не сразу смог прочесть.

- Вопрос в том, чьи вещи он продает, - сказал он наконец.

- И знает ли он сам, что именно у него в руках.

Алексей посмотрел на него.

- Что ты имеешь в виду?

Но Иван уже улыбался - снова легко и непринужденно.

- Ничего. Просто думаю вслух.

Когда Алексей вернулся домой, было уже поздно. На кухне никого не было, только кот сидел на столе и невозмутимо вылизывал лапу.

Павел пришел почти сразу после него. Алексей, услышав, как громко хлопнула входная дверь, вышел его встретить в коридор. Их взгляды встретились.

- Следил? - спросил Павел.

Значит, все-таки он заметил их – его и Ивана.

- Наблюдал.

- И что увидел?

- Ты что-то продал скупщику, в переулке за Обводным. Павел побледнел.
- Тогда скажи, что, если обвиняешь.
- Ты мне скажи.
- Докажи сначала.
- Нина знала?

Павел дернулся так, будто Алексей ударил его. И вот это движение сказалось больше, чем любой ответ.

- Она знала, - тихо сказал Воронов, подтверждая свою догадку. - Поэтому вы ссорились. Поэтому она сказала тебе «не смей просить». Ты просил ее молчать.

- Замолчи.
- А она не захотела.
- Я сказал, молчи!

Павел схватил его за ворот пальто и прижал к стене. Из своей комнатки выбежала Лиза. Дверь Виктора Михайловича открылась и взволнованное лицо в пенсне выглянуло из-за дверного полотна. В коридоре сразу стало тесно от людей, дыхания и страха. Павел отпустил Алексея. Руки у него дрожали.

- Я ее не убивал, - сказал он неожиданно глухо.

И в этих словах было столько отчаяния, что Алексей впервые почти поверил ему.

- Я ничего ей не сделал.
- Тогда что ты продавал?

Павел посмотрел на Лизу, на Виктора Михайловича, на

темные двери комнат.

- Не здесь.

И ушел к себе. Дверь захлопнулась.

Лиза подошла к Алексею.

- Вы в порядке?

- Да. - он помолчал. - Скажи мне одну вещь: Нина никогда не говорила о вещах в квартире? О старых вещах. О том, что здесь было до нас.

Лиза удивленно посмотрела на него.

- Нет. А почему вы спрашиваете?

- Просто думаю, - сказал он. - Может, Павел продавал не то, что взял у жильцов. Может, он нашел что-то в самом доме – вещи бывших хозяев?

Лиза медленно перевела взгляд на дверь его комнаты - туда, где за ней стоял тяжелый письменный стол. И ничего не сказала. Но по лицу ее прошло что-то - тень узнавания, быстрая и сразу спрятанная.

Алексей заметил это.

Той же ночью он все никак не мог улечься.

Сидел без лампы у стола, положив руки на темное дерево, и думал. В квартире стояла тишина - настоящая, плотная, такая бывает только глубокой ночью в старых домах, когда даже стены перестают скрипеть и просто слушают.

Шаги появились около двух.

Осторожные. Медленные. Не Павловы - тот ходил тяжело и прямо. Эти были другие: мягкие, почти неслышные, с дол-

гими паузами между шагами, будто человек останавливался и прислушивался.

Алексей встал.

В полумраке коридора он увидел фигуру у двери Нининой комнаты - согнувшуюся над замком, с тонким металлическим предметом в руке.

Сделал шаг. Половица предательски скрипнула.

Фигура резко обернулась.

Это был Павел. Лицо серое, испуганное, с каплями пота на лбу, хотя в коридоре было холодно.

- Ты? - прошептал Алексей.

Павел прижал палец к губам. Покачал головой - резко, почти отчаянно.

И в тот же миг оба слышали.

Где-то в глубине квартиры, в той ее части, куда не доходил даже слабый свет ночника, медленно и очень осторожно открылась дверь.

Павел побледнел так, что даже в темноте это было видно.

- Это не я, - выдохнул он едва слышно. - Это не я хожу по ночам. Слышишь? Я сам пытаюсь понять - кто.

Алексей смотрел в темноту коридора.

Там было тихо. Но тишина эта была живая - напряженная, как натянутая струна, как секунда перед тем, как что-то лопнет.

- Что ты искал в ее комнате? - прошептал он.

- То же, что ищет он, - сказал Павел. - Только я хотел найти

первым.

- Что именно?

Павел посмотрел на него. Потом медленно, будто решаясь, перевел взгляд на дверь его комнаты. На темный прямоугольник, за которым стоял массивный письменный стол.

- Ты живешь в кабинете Горского, - сказал он тихо. - И, похоже, не знаешь, что в нем спрятано.

Глава восьмая. Версии в голове вместо заметки о заводском собрании

В редакции «Ленинградского курьера» было, как всегда шумно. Печатные машины за стенами громыхали неустанно, как огромный металлический пульс, отсчитывающий время до сдачи номера. В коридорах сновали курьеры с охапками гранок, из наборной доносился запах горячего свинца и типографской краски, а в курилке у лестницы двое наборщиков с жаром спорили о запуске производства на заводе «Светлана» миниатюрных лампочек для карманных фонариков, и как это скажется на развитии всей советской республики.

Алексей сидел за своим столом у окна и смотрел в одну строчку заметки о заводском собрании уже второй час подряд, не видя её. Текст стоял на месте. Слова не складывались в предложения, а их смысл не доходил до Алексея совершенно.

«Горский».

Фамилия не выходила из головы с самого утра. Воронов несколько раз ловил себя на том, что машинально повторяет её про себя, как повторяют слово на чужом языке, пытаюсь нащупать в нём знакомый корень. Ювелир, хозяин кабинета

с тёмными деревянными панелями. Стол, рядом с которым Алексей теперь спал, за которым работал и иногда второпях, не зная, что именно в нём спрятано. А еще Алексею не давал покоя таинственный человек, приходящий по ночам с такой уверенностью, словно он имеет на это право. Всё это начало складываться в единую картину - пока ещё слишком смутную и тёмную, как ленинградское небо в марте, но уже достаточно тревожную, чтобы не думать ни о чём другом.

За окном по стеклу медленно ползли дождевые капли, сливаясь внизу в короткие кривые дорожки. Внизу по улице прошёл трамвай, встряхнув на повороте все редакционное здание так, что задребезжал стакан с карандашами на краю стола. Алексей машинально поправил его и снова уставился в заметку о заводском собрании.

Итак, в 1918 году в квартире жил ювелир Горский. Возможно, перед тем как покинуть дом, он спрятал что-то в столе. Почему-то, Алексей был уверен, это были не камни и не золото. Но тогда что? Возможно, какие-то бумаги – чертежи, схемы, документы. Стол с тайником остался в комнате. Бумаги, судя по всему, тоже. Кто-то об этом знает и приходит по ночам в квартиру, ищет. Нина жила рядом, слышала шаги, боялась, спрашивала про чужого возле дома. За день до гибели с кем-то поссорилась и сказала «не смей больше просить», а потом ее нашли на мокрых камнях во дворе-колодце.

Алексей почувствовал, как сжал карандаш так сильно, что

тот сломался в пальцах, а он даже не заметил. Обломок с характерным стуком упал на белый лист с единственной строчкой о собрании на заводе, оставив на заметке косую графитовую черту. Воронов выбросил карандаш в урну и взял другой из стаканчика, но так ничего и не писал – все крутил его в руках, а сам думал.

- Вы выглядите как человек, которому поручили написать некролог на самого себя.

Алексей поднял голову.

Иван Аграфенов стоял возле его стола с папкой под мышкой и знакомой чуть насмешливой улыбкой. Сегодня без шарфа - в тёмном жилете поверх белой рубашки, с влажными от мороси волосами. Он был удивительно живым на фоне общей редакционной усталости, как человек, которого дождь и серое небо почему-то не касаются.

- Всё настолько плохо? - спросил Алексей.

- Хуже. Я успел сходить с гранками и вернуться обратно. А вы второй час смотрите в одну строчку и даже не двигаетесь. Это уже клинический случай.

Иван придвинул соседний стул и сел, не спросив, не дожидаясь приглашения, как человек, привыкший к тому, что ему рады.

- Что случилось?

Алексей помолчал. Он не собирался говорить. Точнее, не был уверен, стоит ли распространяться всем подряд о том, что думает. Это, ведь, была лишь его версия о тайнике. За

последние дни он привык думать об этом один, перекачивать мысли в голове, как камни в кармане, не показывая никому. Но сейчас, под этим внимательным взглядом с лёгкой иронией, вдруг почувствовал что-то похожее на усталость от собственного молчания, и странное желание поделиться грузом собственных мыслей.

- Кажется, смерть Нины связана с бывшими хозяевами квартиры, - сказал он.

Иван чуть наклонил голову. Очень внимательно, так, что улыбка на его лице не исчезла, но как будто отступила чуть глубже, перестав быть первым, что замечаешь.

- Вот как?

- До революции там жил некий ювелир Горский.

Алексею показалось, что в лице Ивана что-то изменилось, но это было столь мимолетно, почти неуловимо, как тень от облака на воде: секунду есть, и вот, уже нет. Взгляд стажера стал сосредоточенным и задумчивым.

- Интересная фамилия, - сказал он.

- Ты слышал о нём?

- Нет, я ведь в Ленинграде только несколько недель. Просто звучит... как-то аристократично что ли, по-петербургски.

Он улыбнулся привычно легко.

- А вы, значит, теперь расследуете тайны старых особняков?

- Похоже на то.

- Осторожнее, - сказал Иван с лёгкой иронией. - Так недолго превратиться в героя дешёвого приключенческого романа.

- Уже поздно.

Иван тихо засмеялся. Хороший смех - искренний, быстрый. Алексей поймал себя на том, что тоже улыбнулся. Это всегда так работало с Иваном. Рядом с ним вещи казались проще. Тревога от раздумий о событиях в коммуналке не исчезала, но как будто потеряла теперь часть своей тяжести, становилась управляемой. Алексей и прежде замечал это, но сейчас, когда мысли о Горских давили особенно сильно, это ощущение было прямо отчётливым.

- Значит, бывшие хозяева, - задумчиво сказал Иван, постукивая пальцем по краю стола. - И что именно вы думаете? Что кто-то ищет их имущество?

- Что-то оставшееся в квартире. В столе, скорее всего.

- В том старом столе, что дышит на ладан в вашей комнате?

- Да.

Иван помолчал секунду.

- И человек, который приходит по ночам, он тоже из этой истории?

- Думаю, да. Мне... так кажется.

- Интересно, - сказал Иван негромко.

Из наборной донёсся грохот упавшего железного листа, потом раздался сердитый голос метранпажа. За окном про-

шёл ещё один трамвай. Редакция продолжала жить своей обычной шумной жизнью, не замечая, что у окна в корреспондентской происходит разговор, в котором всплывают старые тайны совсем из другой жизни.

- Слушайте, я думаю, если этот человек охотится за содержанием вашего стола, он обязательно придет снова. - предположил Иван.

- Наверное, не хотелось бы, чтобы это закончилось новым преступлением. – скептически поджал губы Алексей.

- А вот это точно, - согласился Аграфенов. И, как будто вспомнил что-то незначительное, добавил. - Вы сегодня домой когда возвращаетесь?

Алексей взглянул на него.

- Поздно. Нужно дописать заметку, иначе потеряю работу. Редактор уже лютует. А что?

- Да нет, ничего. Просто думал, не пойти ли нам вместе? - Иван пожал плечами. - Как раз осмотрели бы ваш винтажный предмет мебели. Иногда старое – просто старое. Но раз поздно, то ладно, в другой раз.

Он встал, подхватил свою папку.

- Тогда не скучайте, пытаюсь дописать материала. И поешьте что-нибудь, Воронов, - вы сегодня выглядите так, будто питаетесь исключительно тревогой и кислым редакционным чаем.

- Иди уже. – беззлобно огрызнулся Алексей, понимая, что стажер прав. Нужно бросить играть в тайны и заняться дей-

ствительно важным – своей непосредственной работой, без которой, к слову, он быстро окажется на улице и будет вынужден вернуться в свой крохотный город. А в нем, не то что тайн, в нем и редакций отродясь не было.

Иван усмехнулся и направился к выходу. В дверях он обернулся лёгким, привычным движением.

- Если что-то случится ночью, звони.

И скрылся за скрипучей дверью.

Алексей смотрел ему вслед ещё несколько секунд, а потом решил заняться делом. Он собрал бумаги, разложил их аккуратно, взял карандаш. Написал первое предложение заметки. Перечитал. Зачеркнул. Потом снова опустил взгляд на заметку, пытаясь собрать мысли в кучу. Усилием воли ему это даже удалось. По крайней мере, через полчаса он написал свисток*, выбрал из блокнота цитаты докладчиков, распределяя их в тексте по смыслу.

Нервное воображение журналиста, который несколько недель живёт в квартире с убийством, ночными шагами и скрипящими половицами, не давало покоя, отвлекая от хода заводского собрания, достижений плана и тонн продукции, которую завод выдавал для страны.

За окном совсем стемнело. Редакция начинала пустеть: машинистки уходили первыми, потом корректоры, потом репортёры, наспех доделав материалы и с облегчением захлопывая блокноты. Оставались только те, у кого горели сроки, и ночная смена наборщиков, которые, судя по звукам, уже

начали работу. Ритмичный металлический грохот за стеной стал ровнее и настойчивее.

Алексей сидел и смотрел в окно. Заметка была почти готова. Оставалось дописать концовку, да вычитать, прежде чем положить готовый и переписанный «набело» листок на стол редактору.

Город за стеклом был тёмным, мокрым и равнодушным. Огни фонарей расплывались в дожде жёлтыми пятнами. По пустеющей улице прошли двое под одним зонтом, торопясь и почти бегом. Где-то вдалеке над крышами висело слабое зарево - то ли завод, то ли просто отражение городских огней в низких облаках.

Тревога, которая, казалось, почти улеглась за этот час, продолжала сидеть внутри, как заноза - не острой болью, а постоянной невозможностью игнорировать ее присутствие.

Какое-то смутное предчувствие заставило Алексея отложить листок на край стола и подняться, будто кто-то вдруг резко одернул его за плечо.

Заметка подождёт. В конце концов, он может прийти утром пораньше и вычитать свежим взглядом то, что успел написать. Алексей надел пальто, замотал на шее шарф, подхватил кепку и, загасив электричество, вышел из редакции, почти столкнувшись в дверях с ночным курьером.

На улице было темно и сыро. Трамваи гремели по мокрым рельсам, разбрасывая мелкие брызги. Ветер с канала пробирал до костей даже сквозь пальто. Алексей шёл быстро, по-

чти бежал, не очень понимая зачем, просто чувствуя, что нужно успеть. Куда: он и сам не мог бы сказать, но неведомое чувство опасности толкало его вперед с необъяснимой силой. До Фонтанки он добрался за двадцать минут, хотя обычно ходил все тридцать пять.

Свисток * - подводка к материалу

Глава девятая. Ночной гость

Запахавшись от быстрой ходьбы, Алексей вошел в сырую арку дома и остановился под ней на секунду, давая глазам привыкнуть к темноте. Двор-колодец в этот час был почти полностью чёрным. Только в двух окнах флигеля в глубине двора горел тусклый свет, да фонарь у чёрной лестницы едва теплился, роняя на мокрые камни жёлтое неровное пятно света. Дождь почти прекратился, но воздух все еще был тяжёлый от влаги, и потому казалось, что он не вдыхается легко и свободно, а каждый глоток отдаёт внутри колючим холодом.

В остальном же в темном провале не было ничего подозрительного. Двор пуст. Поленница у сарая, где жильцы брали дрова, перевёрнутое Федором ведро возле водостока, верёвка с давно высохшим бельём, которое забыли снять и которое теперь снова намокло и висело тёмными безжизненными лохмотьями. Кот - тот самый, чёрный – неизменно сидел на краю поленницы и смотрел на Алексея зелёными неподвижными глазами, которые поблескивали в темноте.

Алексей прошёл через двор и поднялся по лестнице. Он старался идти тихо, но не потому что осторожничал. Просто не хотелось никого беспокоить и пугать. Коммунальная квартира в такой час требовала тишины, как больной требует покоя. В передней пахло варёной капустой и керосином.

Наверное, кто-то из жильцов сегодня варил щи. Из-за двери Виктора Михайловича доносился едва слышный храп - ровный, успокаивающий, как доказательство того, что существуют еще люди, способные спать без тревоги.

Алексей, ведомый тревожным чувством, что заставило его нестись из редакции сломя голову, почти успокоился. Он остановился у своей двери, достал ключ, и только тогда понял, что дверь не заперта. Молодой человек замер, постоял неподвижно еще три, может, четыре секунды, сверяясь с собственными глазами. Нет, ему не казалось – дверь, действительно, была открыта. Об этом явственно говорил едва заметный зазор между полотном и косяком. Он был совсем небольшой, не больше половины сантиметра. Может, сам не запер утром? Просто захлопнул, не повернув ключ? Юноша попытался вспомнить. Нет. Он запирал. Точно запирал, и даже дёрнул ручку, проверяя.

Немедля Алексей толкнул дверь. Та легко подалась и отворилась без скрипа, почти бесшумно. Молодой человек шагнул внутрь, не зажигая света.

В бывшем кабинете Горского было темно. Лишь слабый свет уличного фонаря проникал сквозь не задернутую штору и ложился на пол бледной трапедией, добираясь до края письменного стола и теряясь в тени возле шкафа. Всё остальное содержимое комнаты тонуло в густом сером полумраке, превращавшем уже знакомые Воронову предметы в смутные тёмные силуэты. Стул казался горбатой фигурой, книжная

полка - чёрным провалом в стене, а резной шифоньер, что притаился в дальнем углу у печи, был похож на тяжёлую и неподвижную глыбу, как памятник чему-то давно умершему, но не желающему покинуть эту реальность.

Алексей не двигался, он просто стоял на пороге и слушал, что происходит вокруг. Сначала ничего не было слышно. Молодого человека окружали только привычные звуки старого дома - далёкий шум воды в трубах, скрип половицы за стеной в чьей-то комнате, шорох ветра в вентиляционной решётке под потолком.

Но потом он распознал едва различимый звук. Не шаг и не скрип, а что-то другое - лёгкое скольжение пальцев по дереву, осторожное, почти невесомое, как прикосновение человека, ощупывающего что-то в темноте.

Только теперь Воронов понял, что звук этот шёл из глубины кабинета, от старинного стола.

Алексей почувствовал, как сердце ударило по рёбрам сильнее, а потом словно замерло, в ожидании.

Только приглядевшись, мужчина смог распознать неясный силуэт у стола - высокий, в тёмном пальто и в перчатках. Он стоял сбоку, преклонив одно колено, склонившись к боковой панели, и осматривал стол Горского. Он двигался с такой уверенной, почти деловой осторожностью, какая бывает у людей, прекрасно знающих, что именно они ищут и где именно это должно находиться. Челове не осматривался и не колебался, он пришёл сюда не впервые и не наугад.

Именно эта уверенность, это спокойное знание - поразило Алексея больше, чем сам страх от вероломного проникновения.

Незнакомец, казалось, не замечал, что он уже не один в комнате. Он продолжал водить рукой вдоль нижней панели, нажимать то в одном месте, то в другом. В какой-то момент даже выругался сквозь зубы тихо - коротко, почти беззвучно, так увлечен был процессом. Панель стола не поддавалась.

Алексей сам не понял, как оказался посреди комнаты.

- Стой! - закричал он и голос его сорвался от волнения.

Незнакомец тут же обернулся - резко, как зверь, услышавший выстрел. Несколько секунд они смотрели друг на друга в темноте. Алексей успел заметить только силуэт - высокий, широкоплечий, с напряжёнными плечами. Так выглядят люди, которые готовятся к броску.

Больше Алексей не успел заметить, потому что в следующую секунду незнакомец бросился к двери. Воронов попытался перехватить его у самого порога. Схватил за рукав с такой силой, что ткань треснула, издав сухой короткий звук. В этот короткий и почти невыносимый миг, когда рукав пальто и рубашки незнакомца задрался вверх от рывка, Алексей увидел его запястье.

Тёмное родимое пятно - небольшое, неровное, почти овальное, оно находилось чуть выше косточки, там, где кожа особенно тонкая. Фонарный свет из окна упал на него на долю секунды - и пропал, потому что незнакомец сориенти-

ровался.

Осознать увиденное Алексей не успел. Человек дёрнул руку к себе, не заботясь о том, что рубаша и рукав пальто могут порваться. Воронов не ожидал сопротивления и на мгновение потерял равновесие.

В этот момент он получил удар с разворота в грудь. Это был жёсткий, почти профессиональный удар, отбросивший его в сторону. Тяжёлый абажур над злосчастным столом не выдержал, качнулся и рухнул на пол с грохотом, который в ночной тишине квартиры показался оглушительным. Где-то в глубине коридора вскрикнула женщина испуганным сопрано, но почти сразу замолчала.

Алексей оттолкнулся от стола и поднялся. Голова ещё шумела от удара, руки и ноги слушались плохо. Следующий удар в плечо отбросил его на острый угол шифоньера, ударивший в лопатку так, что на секунду перехватило дыхание. А потом дверь распахнулась настежь, ударившись о стену. В коридоре мелькнула тёмная быстрая тень, и почти сразу слышались шаги по черной лестнице, быстрые и уверенные, перепрыгивающие через ступени.

- Стой!

Алексей бросился следом, ещё не отдышавшись, держась за стену в повороте коридора. В квартире уже просыпались: хлопнула дверь Виктора Михайловича, где-то вскрикнула Анна Петровна, в кухне что-то упало, потревоженные бегом незнакомца. Но Алексей уже летел следом, выскочил и ри-

нулся вниз по узкой лестнице, перепрыгивая через ступени, держась за перила на поворотах, слыша впереди гулкие удары чужих шагов о каменные ступени.

Внизу хлопнула дверь чёрного хода.

Воронов выскочил во двор на несколько секунд позже.

Двор уже был пуст.

Только в арке мелькнула тёмная фигура, и растворилась в ночи так быстро и бесследно, как исчезает тень, когда гасят свет.

Алексей остановился посреди двора. Он тяжело дышал. Мокрые камни под ногами блестели в свете фонаря. С водосточной трубы капало - редко, методично, равнодушно. Кот спрыгнул с поленницы и теперь сидел у его ног, задрал голову и глядя в сторону арки с таким выражением, будто тоже провожал взглядом убегающего.

Глава десятая. Ящик с двойным дном

Сверху одно за другим начали загораться окна.

Сначала узкое окошко Виктора Михайловича. Потом включили электричество на кухне. Даже в окнах флигеля зазгли огонек. Голоса в квартире недели как в улее, перекрывая друг друга - испуганные, сонные, злые.

Через несколько минут во двор выбежал Павел - растрёпанный, в наспех наброшенном пальто поверх нижней рубахи, с таким лицом, будто давно ждал чего-то подобного и теперь не знает, злиться или торжествовать.

- Что случилось? Кто кричал?

Следом появился Виктор Михайлович с керосиновой лампой в поднятой руке - близоруко щурясь в темноту, придерживая другой рукой полу халата. Марфа Степановна высунулась из окна второго этажа, кутаясь в платок и что-то быстро шепча - не то молитву, не то просто успокаивая себя звуком собственного голоса.

Лиза появилась на лестнице последней. Бледная, в тёплой шали, наброшенной поверх платья, с волосами, выбившимися из косы. Она спустилась во двор быстро, бесшумно и сразу подошла к Алексею, не крича и не спрашивая, а просто встала рядом и посмотрела на него внимательно, как глядят

на человека, которого только боятся потерять.

- Вы ранены?

- Нет.

- Кто это был?

Алексей покачал головой.

- Не знаю.

И это оказалось самым неприятным из всего - не удар о шкаф, не темнота, не грохот упавшего абажура, а именно это признание. Он действительно не знал. Видел силуэт, ощутил силу чужих рук, поймал на секунду запястье с тёмным пятном и больше ничего. Ни лица, ни голоса, ни единой детали, которая могла бы помочь.

Федор появился из флигеля последним.

Он шёл медленно, тяжело, как человек, которого разбудили в самый глубокий час сна, - но в лице его не было привычной сонной тяжести. Он был совершенно бодр и совершенно серьёзен. Вышел во двор, остановился, окинул взглядом жильцов, потом посмотрел в сторону арки - долго, внимательно, с таким выражением, будто пытался увидеть сквозь темноту что-то, что другим было недоступно.

Потом медленно перевёл взгляд на Алексея, медленно кивнул. Будто что-то понял или вспомнил - и это что-то оказалось неприятнее, чем он ожидал. Но так и не сказал ничего.

Жильцы успокоились не скоро. Павел ходил из угла в угол по двору, повторяя одно и то же: «Я же говорил. Говорил!»

- всё злее с каждым разом, как будто собственная правота приносила ему не удовлетворение, а дополнительную горечь. Марфа Степановна спустилась вниз и теперь стояла у стены, закутавшись в платок, и беззвучно крестилась: быстрыми, частыми, механическими движениями, как человек, у которого кончились слова и остались только жесты. Анна Петровна рыдала в голос на лестнице, пока Виктор Михайлович неловко пытался её успокоить, не очень понимая как.

Лиза стояла рядом с Алексеем и молчала. Она почти всегда молчала, когда другие кричали. Алексей это уже заметил раньше, ещё в первые дни. В ней было что-то такое, что делало её молчание не пустым, а весомым, как будто она не говорила именно потому, что в этот момент думала о чем-то важном, а не потому что нечего было сказать.

- Он приходил в вашу комнату? - спросила она наконец.

- Да.

- Значит, искал что-то именно там.

Она произнесла это тихо, почти себе под нос. Не вопрос, лишь только мысль вслух. Но в этой простой фразе было столько спокойной точности, что Алексей вдруг почувствовал: она думает о том же, о чём думает он. О тайнике. О том, что в этой комнате есть что-то, ради чего человек готов приходить ночью, рискуя быть пойманным.

Под утро жильцы наконец разошлись по своим комнатам. Квартира снова затихла, но теперь в этой тишине было что-

то другое. Не просто ночной покой, а настороженность. Как тишина после выстрела, когда люди ещё не знают, будет ли следующий.

Алексей вернулся к себе. Его комната выглядела как после маленькой бури: стул лежал на боку, абажур разбился, бумаги разлетелись с края стола и теперь лежали на полу беспорядочным веером. На нижней панели стола виднелись свежие царапины - неглубокие, но явные: кто-то водил по дереву чем-то тонким и твёрдым, пытаясь найти щель или поддеть край.

Алексей немного прибрался. Поставил стул на место. Поднял абажур и внимательно осмотрел его. Тот оказался сломан, фарфоровое основание треснуло пополам. Он сложил обломки у двери, чтобы потом вынести, и зажёг маленькую лампу без абажура, стоявшую на подоконнике. Та дала резкий жёлтый свет, без мягкости, обнажив все углы комнаты разом.

Воронов подошёл к столу. Опустился на колени так, как стоял незнакомец, и провёл пальцами по нижней панели. Дерево было тёплым под ладонью, живым, с едва ощутимыми неровностями резьбы. Он нажал в одном месте, но ничего не произошло. В другом - тоже. Потом нашёл то место, где незнакомец останавливал руку дольше всего, надавил сильнее и вдруг почувствовал: одна из деревянных планок едва заметно подаётся. Не открывается. Просто чуть сдвигается, как будто за ней есть пространство, которого там быть не

должно.

Алексей постучал костяшками пальцев по дну ящика. Звук получился глухим - придавленным, не гулким, как должно быть в пустом пространстве.

Двойное дно. Совершенно точно, двойное.

Он нажал ещё раз. Где-то внутри что-то тихо щёлкнуло - едва слышно, как щёлкает старый замок, которому не хватает поворота ключа. Панель сдвинулась чуть сильнее. Но не открылась.

Алексей долго стоял неподвижно, опираясь ладонями о тёмное дерево стола и глядя на едва заметную щель.

Тайник существовал. Ради него приходил незнакомец. Из-за него, скорее всего, погибла Нина. Пытаясь добраться до него, кто-то ходил по ночам по коридору, останавливался у дверей, прислушивался. И ради него, наверняка, придут снова.

Молодой человек поднялся и подошёл к окну. Во дворе было тихо и пусто. Только кот сидел на прежнем месте, у поленницы и смотрел куда-то в темноту арки. Неподвижный, как маленький тёмный страж, которому всё равно, сколько ещё ждать.

Алексей постоял у окна минуту. У него возникло острое желание поделиться с кем-то своей догадкой. Но с кем? Жилыцы обсуждали слишком эмоционально, страшась. Лиза больше молчала, предпочитая обдумывать свои версии. Алексей вдруг вспомнил о единственном своем приятном в

Ленинграде и разрешении беспокоить его в любое время суток. Парень вышел в темный коридор и подошёл к телефону - старому, чёрному, с потускневшим диском, ещё дореволюционному. Снял трубку. Станция ответила быстро. Он назвал номер.

Ждать пришлось дольше обычного. В трубке шуршало и потрескивало: ночная линия жила своей беспокойной жизнью, перебрасывая между собой обрывки чужих голосов, далёкий гул и что-то похожее на дыхание огромного спящего города.

Потом щёлкнуло соединение.

- Аграфенов... слушаю...

Голос был сонным, хриплым, но не испуганным. Человек, привыкший просыпаться от телефонных звонков.

- Извини. Разбудил.

Короткая пауза.

- Теперь уже да. Что случилось?

- У нас был ночной гость.

На другом конце линии стало очень тихо. Как будто человек на той стороне не просто слушал, а собирался с мыслями. Спустя пару секунд Иван уже совершенно проснувшись голосом спросил:

- Что значит - гость?

Алексей рассказал. Коротко, без лишних слов - темнота, силуэт у стола, схватка, побег через чёрный ход. Иван слушал, не перебивая. Когда Алексей замолчал, в трубке повис-

ла плотная, внимательная тишина.

- Ты видел его лицо? - спросил Иван.

- Нет. Темно было.

- Но он пришёл прямо к тебе в комнату, к этому чертовому столу?

- Да, и он знал, куда идти.

- Значит, тайник существует, - тихо сказал Иван.

Он произнёс это так спокойно и так естественно, что Алексей принял наконец этот факт. Аграфена не спрашивал, он утверждал.

- Ты уверен, что он ничего не нашёл? - спросил Иван.

- Нет, не уверен. Я кажется, ни в чем теперь не уверен.

- Тогда будь осторожен, он может вернуться.

Простые слова, но от них становилось не по себе. Одно дело, когда кто-то ходит по коридору, а другое, когда готов даже убить.

- Хорошо, - сказал Алексей.

- И ещё, - добавил Иван уже чуть легче, почти с прежней иронией. - Желательно не сиди ночью в темноте в одиночестве, поджидая неизвестных преступников. Для журналиста это слишком романтическое поведение. Пригласи лучше в компанию какую-нибудь впечатлительную девушку.

Алексей растерялся. Шутка вышла неожиданно пошлой. Вероятно, Иван хотел поддержать Воронова, разрядить обстановку, но вышло как-то криво. Почему-то от мысли о "какой-нибудь девушке", у Алексея возникала только одна ассо-

цияция - Лиза. А не имя не хотелось марать подобными шутками.

- Спокойной ночи, Иван, извини, что побеспокоил. - стучевался Алексей.

- Уже почти утро, Воронов. Извини, я вероятно, пошутил неудачно.

- Ничего, это ты извини. До встречи в редакции.

В аппарате тихо щёлкнуло и связь прервалась. Алексей положил трубку. Постоял у телефона, не двигаясь, прислушиваясь к тишине квартиры. Где-то в глубине коридора кто-то один раз тихо кашлянул. В трубах снова зашумела вода. Обычные звуки обычной квартиры. Потом всё стихло.

За окном медленно светлело небо. Это еще был не рассвет, но полоска у самого края горизонта уже посветлела, стала сероватой, такой, как бывает, когда ночь уже закончилась, а день ещё не начался, и город висит в этом промежутке, усталый и неприкаянный.

Алексей подошёл к столу. Коснулся пальцами сдвинутой панели. Вот он - тайник перед ним. Знать бы только, как открыть его? Кто-то знал об этом достаточно давно и достаточно точно, чтобы прийти именно сюда, именно в эту ночь, именно к этому месту. И этот кто-то вернётся, Алексей чувствовал это с той же тихой, неотвязной уверенностью, с которой чувствуют приближение грозы задолго до первого грома.

Вопрос на самом деле был только один: когда и при каких

обстоятельствах это произойдет в следующий раз?

Глава одиннадцатая.

Билеты в театр

После ночного вторжения квартира ещё несколько дней жила в странном возбуждении. Теперь никто уже не смеялся и не отмахивался от ночных шагов и шорохов в коридоре. Даже Анна Петровна, прежде любившая говорить, что жильцы сами себя пугают, стала по вечерам дважды проверять замок на двери своей комнаты и всё чаще крестилась украдкой, думая, что никто этого не замечает.

Марфа Степановна почти перестала выходить на кухню.

Павел ходил мрачный и злой, дёргался от каждого неожиданного звука и всё чаще курил во дворе, нервно поглядывая на окна квартиры.

Алексей же чувствовал другое, и это был не страх, а скорее ощущение, что приближается что-то неотвратимо важное.

Тайна старого кабинета постепенно переставала быть абстрактной легендой. Теперь она обрела форму, шаги, силуэт в тёмном пальто и следы от ножа на деревянной панели письменного стола. Кто-то был готов рисковать ради того, что скрывалось внутри. И именно это тревожило молодого человека сильнее всего.

Вечером, вернувшись из редакции, Алексей застал Лидию

на кухне. Она стояла у окна в тёмно-синем платье с тонким светлым воротником и медленно размешивала ложечкой чай, задумчиво глядя во двор. Она, кажется, даже не заметила, как он появился на кухне, стояла уставившись в окно, будто единственное, что ее интересовало – это дождь за отсыревшей рамой. И только, когда Алексей подошел совсем близко, чтобы достать из своего шкафчика кружку и заварку, она слегка вздрогнула.

- Испугал? - спросил он.

- Нет... просто задумалась.

Сегодня она выглядела особенно усталой. Под глазами залегли тени, а обычно артистичное живое лицо показалось Воронову непривычно бледным. И всё же, даже сейчас в ее задумчивом выражении лица оставалось что-то очень ленинградское - театральное, возвышенно прекрасное, словно эта девушка, хоть и жила в темной, пропахшей кислой капустой коммуналке, но принадлежала совсем другой среде - освещённой сцене, музыке, огням городских витрин и шуму трамваев на Невском.

Алексей вдруг подумал, как странно, нелепо даже, она смотрится здесь - среди облупленных стен, вечных скандалов из-за керосина и графика уборки общей кухни.

- Вы ведь теперь тоже меня подозреваете? - неожиданно спросила Лидия, не отрывая взгляда от мутных стекол.

Он нахмурился.

- Почему вы так решили?

Она грустно усмехнулась.

- После смерти Нины все друг друга подозревают.

На кухне повисла короткая тишина. Кажется, Лидия единственная, кто за все эти дни произнес слово «смерть» вслух.

Где-то на улице, по другую сторону от дома с грохотом прошёл трамвай, но несмотря на то, что окна кухни выходили в двор-колодец, И Алексей, и Лидия почувствовали вибрацию и шум. Все это было так привычно, что не вызывало даже реакции.

Где-то в глубине квартиры Павел сердито хлопнул дверью.

- У вас действительно есть поклонник? – спросил, решившись, Алексей.

Лидия отвела взгляд и криво усмехнулась.

- Это вопрос?

- Нет.

- Тогда зачем спрашиваете?

Она вдруг быстро повернула голову и впервые за разговор посмотрела ему прямо в глаза. В этот момент Алексей понял: она действительно чего-то боится. Ее поведение на полутемной кухне не напоминало кокетство или игру. Она действительно боялась.

- Потому что Нина могла погибнуть из-за человека, которого видела, - тихо сказал он.

Лидия медленно отпустила чайную ложечку в чашку, оставив ее в покое.

- Вы хороший человек, Алексей, - произнесла она неожиданно мягко. - Но вам лучше не лезть в это дело.

- К сожалению, уже поздно.

Она грустно улыbnулась, а потом порывисто подошла к своему буфету, открыла ящик и достала два билета - плотных, кремовых, с золотистой рамкой по краям.

- Тогда хотя бы перестаньте сидеть вечерами в своей комнате, как старый библиотекарь. В этих стенах и свихнуться можно. - сказала она. - Приходите лучше завтра на спектакль.

Алексей растерялся. Он думал, речь пойдет о преступнике, шастающем ночью по коммуналке, о страхе, который он успел заметить в глазах этой далеко не юной женщины, и потому даже запнулся, увидев картонные прямоугольники пригласительных

- Вы меня приглашаете?

- Не вас лично. - Лидия закатила глаза. - Просто... приходите.

Она протянула билеты и Воронов осторожно их взял.

- Это комедия. Очень глупая, но публика любит.

- А почему два?

Теперь Лидия улыbnулась уже по-настоящему.

- Потому что в театр не ходят в одиночку.

От билетов пахло духами и пудрой, совсем не так, как от их коммунальной квартиры.

- Спасибо, - сказал Алексей все еще растерянно.

- Не благодарите заранее. Возможно, после первого акта вы сбежите.

Она засмеялась тихо и впервые за последние дни стала похожа на ту Лидию, которой, наверное, привыкли восхищаться зрители.

Глава двенадцатая. Поклонник с тяжелым взглядом

На следующий день Ленинград с самого утра жил какой-то влажной весенней суетой. Может, Алексею только так казалось, но трамваи гремели по мокрым рельсам, сияясь рассказать, что зиме-то конец, и весело разбрызгивали серую воду в лужах. У кооперативных магазинов за дефицитными товарами выстраивались разноцветные очереди. Газетчики кричали про новые аресты валютчиков. А по Невскому проспекту жеманно прогуливались женщины в коротких пальто и маленьких шляпках, пахнувшие дешёвыми французскими духами и табаком.

Город постепенно оживал после страшных лет революции и гражданской войны, жадно тянулся к свету, музыке, театрам и кафе. НЭП принёс с собой странное смещение бедности и почти вызывающей жажды красивой жизни: рядом с рабочими в потёртых суконных шинелях можно было увидеть аккуратно одетых нэпманов в заграничных ботинках, женщин с ярко накрашенными губами и студентов, спорящих в дешёвых столовых о Маяковском и джазе. Театры, эстрадные ревю и лёгкие комедии пользовались огромной популярностью у публики, уставшей от разрухи и лозунгов. Алексей шел на работу в редакцию и думал о том, что и он се-

годня прикоснётся к этой чужой по сути божественной жизни, и все это даже слегка пугало его, таким далеким себя считал от всего этого журналист Воронов.

К вечеру редакция постепенно опустела.

Иван Аграфенов, по обыкновению появился возле стола Алексея неожиданно и легко, словно материализовавшись из табачного дыма и шума типографии.

- Ну? - спросил он, заметив аккуратно лежащие на краю стола билеты. - Неужели товарищ Воронов всё-таки решил вести культурную жизнь?

Алексей усмехнулся.

- Лидия дала.

- А-а... вот оно что.

Иван тут же выхватил один билет и внимательно его рассмотрел.

- Театр. Прекрасно. Осталось только понять, кто согласится терпеть ваш мрачный вид весь вечер.

- Очень смешно.

- Или вы ещё никого не пригласили?

Алексей промолчал, неопределенно пожав плечами.

Иван театрально закатил глаза.

- Господи, Воронов, вам двадцать три года, а ведёте себя так, будто вас уже списали в архив.

- Мне не с кем идти. Разве что пригласить одного невероятно наглого товарища?

Аграфенов хохотнул:

- Э, нет! Так дело не пойдёт! У вас в квартире живёт девушка, которая смотрит на вас так, словно вы - последняя надежда всего Ленинграда.

- Не преувеличивай. – отмахнулся Алексей, краснея против воли.

- Пригласите Лизу, и немедленно, говорю вам!

Алексей нахмурился.

- Она откажется.

- Вот и проверим.

- Ты сейчас говоришь, как сваха.

- А вы - как человек, который боится женщин больше, чем ночных преступников.

Алексей невольно рассмеялся. Сравнение получилось удивительно точным.

Иван довольно усмехнулся:

- Ну наконец-то! Значит, не всё потеряно.

Позднее, уже возвращаясь домой по влажному от обыкновенной влажной мороси по мерцающему вечерними огнями Ленинграду, Алексей всё-таки поймал себя на странном волнении. И связано оно было не с походом в театр. Воронов тревожился из-за Лизы, а именно, о том, как она отреагирует на приглашение.

Когда же он предложил ей пойти вместе, девушка растерялась так искренне, что Алексей едва не пожалел о своих словах. А потом Лиза согласилась - тихо, почти шёпотом про-

лепетав «Да», и весь остаток вечера до выхода двигалась в квартире как-то особенно осторожно и смущённо.

Теперь, глядя на неё в свете уличных фонарей, Алексей вдруг понял, что впервые видит Лизу не просто соседкой по коммуналке. На ней было тёмное платье с аккуратно перешитым воротником и старое, но очень бережно хранимое пальто. Волосы она уложила иначе, чем обычно. А еще от неё едва заметно пахло дешёвым цветочным мылом. Но от этого почему-то становилось странно тепло на душе.

Театр встретил случайных приглашенных шумом голосов, запахом всевозможных духов, мокрых меховых пальто и табачным дымом, который висел в фойе столь плотным облаком, что Лиза закашлялась.

В фойе толпились люди. Кого здесь только не было: и рабчие, напяливших по случаю выхода в «свет» новые, сшитые по одному лекалу, пиджаки, и девушки с модными короткими стрижками, и мужчины в заграничных галстуках, и шумные компании нищих студентов, и полные нэпманы с золотыми портсигарами, вытащенными напоказ. Вся эта публика громко говорила громко, смеялась, спорила о спектаклях и последних газетных скандалах. После серой коммунальной квартиры всё это казалось Алексею совсем другим миром. Он был живым и ярким, как уличный праздник в детстве Воронова. И в то же время, отчаянно чувствовалось, что все это – наносное, выставленное напоказ.

Алексей из вежливости предложил Лизе пройти к буфе-

ту, но та отчаянно замотала головой, отказываясь. Надо ли говорить, все знали, что элементарный стакан чаю в буфете может, и стоил не очень дорого, но очередь за ним казалась девушке непреодолимой. Потому они просто предъявили билеты на входе и прошли в зал.

Лидия появилась на сцене во втором акте. Алексею показалось, что в этот момент зал оживился. Она действительно была хороша. Лёгкая, стремительная, с тем особенным умением держаться, которое заставляет зрителей смотреть только на неё.

Алексей неожиданно поймал себя на том, что улыбается. Лиза тоже глядела не отрываясь, распахнув глаза.

- Она красивая, - тихо, с придыханием сказала она.

- Да. – ответил молодой человек, соглашаясь.

Именно в этот момент Алексей заметил мужчину у боковой ложи. Тот стоял чуть в стороне от остальных зрителей - высокий, гладко причёсанный, в дорогом сером костюме и светлых перчатках. Даже отсюда чувствовалось что-то неприятное в его спокойной уверенности.

Он не смотрел спектакль. Он смотрел на Лидию. И когда та оказалась очень близко от края сцены, мужчина едва заметно хищно улыбнулся.

Лиза тоже это заметила. Она испуганно отвела взгляд от мужчины в костюме, но Алексей уже спросил ее, тихо шепнув на ухо:

- Кто это?

Девушка помедлила в нерешительности.

- Наверное, тот самый поклонник.

Мужчина будто почувствовал их взгляды, медленно повернул голову. На мгновение Алексей встретился с ним глазами. Взгляд у незнакомца был тяжёлый, оценивающий, подозрительный. Совсем не такой, каким смотрят на предмет своего обожания. А потом свет в зале погас окончательно, оркестр заиграл громче, и фигура у ложи в одно мгновение растворилась в полумраке театра.

Глава тринадцатая.

Возвращение из театра

Театр выплёскивал публику на улицу медленно, словно не желая отпускать людей обратно в их холодные комнаты, коммунальные кухни и вечные очереди. Под аркой служебного входа курили актёры, возле фонарей стояли возбуждённые студенты, споря о постановке, по Невскому медленно двигались автомобили, редкие и потому всё ещё казавшиеся почти роскошью, а из открытых дверей ресторанов доносились музыка, смех и звон посуды. Сырым мартовским воздухом тянуло от каналов. Мостовая блестела после недавнего дождя.

Лидия осталась в театре, после поклона её окружили какие-то знакомые, актёры, шумные молодые люди в длинных шарфах и женщины с ярко накрашенными губами.

Алексей и Лиза вышли вдвоём. Несколько минут они шли молча, наслаждаясь городом после оглушающих оваций в финале пьесы.

Город вокруг жил своей жизнью: громыхали по стальным путям трамваи, у газетных киосков спорили мужчины в кепках, из кафе доносилась музыка - модный теперь фокстрот, который старшее поколение называло «буржуазной пошлостью», а молодёжь слушала с почти вызывающим удовольствием.

Лиза шла рядом с Алексеем тихо, придерживая воротник пальто от ветра. Алексею показалось, что после театра она как будто изменилась – стала увереннее, живее. Щёки у неё слегка порозовели, а в глазах появился тот мягкий счастливый блеск, который бывает у каждого человека после хорошо проведенного вечера.

- Вам понравилось? - спросила она наконец.

- Не всё.

- А что именно?

Алексей усмехнулся.

- Половина актёров будто и не играла вовсе, а просто отработывала свой гонорар криком.

Лиза тихо засмеялась.

- Это ещё очень хороший театр. Вы просто мало ходите.

- Возможно. - он помедлил. - А вам понравилось?

- Очень. – Лиза ответила сразу, не задумываясь. - Люблю театр. Там всё кажется... красивее, чем есть на самом деле.

Девушка произнесла последнее слово осторожно, будто заранее ожидая насмешки, но Алексей не улыбнулся. Он смотрел на вечерний Невский, на всю эту суматошную мишуру – на женщин в меховых безвкусных манто, на мужчин в дорогих пальто, на освещённые окна ресторанов, за которыми двигались тени людей, живущих совсем другой жизнью, чем заводские рабочие, коммунальные жильцы или крестьяне в полуголодных деревнях, смотрел и почти физически ему становилось тошно.

- Иногда мне кажется, - сказал он медленно, - что за последние годы город слишком быстро забыл, сколько людей смогли выжить.

Лиза посмотрела на него внимательно, чуть прищуривая близорукие глаза.

- Вы про нэпманов?

- И про них тоже.

Алексей кивнул в сторону ресторана, возле которого остановился блестящий автомобиль. Из него, смеясь, вышла молодая женщина в светлой шляпке и короткой меховой шубке. Следом появился полный мужчина с золотым портсигаром в руках.

- Война закончилась совсем недавно, - тихо сказал Алексей. - Полстраны ещё живёт впроголодь. И только в Ленинграде есть люди, которые тратят деньги так, будто ничего не было.

Лиза некоторое время молчала, а потом осторожно произнесла:

- Но ведь людям всё равно хочется жить красиво.

Воронов посмотрел на неё, она чуть смутилась, но продолжила:

- Я понимаю, о чём вы, Алексей... Правда. Просто... после всего, что было, иногда очень хочется видеть и что-то хорошее: красивые платья, свет, музыку, овации после премьеры.

Лиза улыбнулась чуть виновато и добавила.

- Наверное, это глупо.

- Нет.

Алексей неожиданно понял, что говорит искренне.

Лиза была совсем не похожа на тех женщин из ресторанов и лож театра. В ней не было жадности или желания казаться богаче. Скорее, обычная человеческая тяга к чему-то красивому посреди серой и тяжёлой жизни. И именно это на самом деле трогало.

Они свернули к Львиному мостику. Вода в канале была чёрной и почему-то почти неподвижной. Фонари отражались в ней длинными дрожащими полосами.

- А вы откуда? - спросил Алексей.

Лиза подняла голову, радуясь, что он сменил тему.

- Из Твери.

- И давно в Ленинграде?

- Третий год.

- Одна?

Она кивнула.

- Отец умер ещё в гражданскую. Мама потом тоже заболела. Я сначала работала в швейной артели, потом устроилась в библиотеку. А оттуда уже перешла в архив.

Она рассказывала это спокойно, без жалоб и трагедии, как человек, давно привыкший жить без особых надежд на то, что жизнь вдруг одним махом изменится.

- А в квартире как оказались? – спросил Алексей.

- Случайно. Освободилась комната. - Лиза усмехнулась. -

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь - случайность.

Они медленно шли по набережной, и Алексей вдруг поймал себя на мысли, что ему не хочется, чтобы этот вечер заканчивался. В темноте Никольского сада слышалось, как затворяют ворота Морского собора. Там все еще проходили церковные службы.

После тёмной квартиры, после разговоров о смерти Нины и ночных шагах этот спокойный путь по вечернему Ленинграду казался почти чем-то невозможным – живым, настоящим и очень хрупким.

- А вы? - спросила Лиза после минутного молчания. - Почему стали журналистом?

Алексей пожал плечами.

- Хотел писать.

- О чём?

- Раньше думал, что о новой жизни.

- А теперь?

Он улыбнулся украдкой.

- Теперь чаще пишу про нехватку угля и перевыполнение плана.

Лиза тихо рассмеялась. Именно в этот момент Алексей понял, как давно не слышал рядом с собой такого спокойного женского смеха. Молодые люди пересекли улицу Третьего июля, бывшую Садовую, прошли мимо Никольских рядов и пошли дальше, к Фонтанке. Когда они вошли во свой двор, где-то далеко на башне часы пробили полночь. В арке

по обыкновению было сыро и мокро.

Во дворе было тихо. И снова на Воронова, как часто в последнее время, накатило чувство тревоги, он даже пошел тише, будто остерегаясь.

Ни в одном окне наверху не горел свет. И даже кота, вечно дежурившего у дровяника, нигде не было видно.

Лиза интуитивно тоже замедлила шаг.

- Как-то это все странно... - тихо сказала она.

Поднимаясь по лестнице, Алексей уже ощущал знакомое неприятное напряжение.

Дверь квартиры оказалась не заперта до конца, только прикрыта, и им не пришлось никого будить дребезжанием резкого электрического звонка.

Молодые люди одновременно остановились в передней. Даже сквозь полумрак Воронов успел заметить, как бледна Лиза.

- Алексей...

Он медленно закрыл за собой дверь. В коридоре было темно и тихо. Пытаясь отогнать от себя накатывающее гнетущее чувство, Алексей быстро зажёл керосиновую лампу. Круг жёлтого света качнулся под потолком, освещая коридор.

На первый взгляд всё выглядело спокойно, но сердце, ведь, не обманешь!

Повинуясь неосознанному желанию, Алексей быстрым шагом направился к своей комнате. Дверь оказалась закры-

той, однако замок был слегка поцарапан, как будто кто-то пытался спешно отомкнуть затвор. Алексей вставил ключ, провернул его дважды против часовой стрелки и резко распахнул дверь. Лиза тихо ахнула у него за спиной.

Старый стол ювелира, на который еще недавно покушался неизвестный, был вскрыт. Нижняя панель оказалась сдвинута сильнее прежнего. Возле ножки лежала тонкая металлическая пластина, которой, видимо, пытались поддеть скрытый механизм. Один из ящиков был вытасчен на пол, а рабочие бумаги Воронова разбросаны. Но тайник всё ещё не поддался напору.

Алексей медленно подошёл ближе, пальцы его сами сжались в кулак. В голове Воронова со скоростью кометы пролетали мысли. Поклонник Лидии, тот самый напوماженный франт у сцены находился сейчас в театре на виду у десятков людей. Значит, мысль о том, что к убийству Нины может иметь отношение ухажер актрисы, оказалась ошибочной. И если он и убил Нину, то целью преступника, что продолжал возвращаться к кабинету снова и снова, была все-таки не она, а то, что находилось в тайнике.

Глава четырнадцатая.

Знакомое лицо

В ту ночь Алексей почти не спал. После возвращения из театра и обнаруженной взломанной панели и разбросанных бумаг, после короткого испуганного взгляда Лизы, остановившейся на пороге его комнаты и ничего не сказавшей, но быстро ушедшей к себе, он долго сидел за письменным столом, разглядывая свежие царапины на тёмном дереве и пытаясь открыть чертов тайник.

Кто-то приходил снова – безостановочно крутилась мысль в его голове. Кто-то приходил уверенно, без лишней суеты, зная, что его не застанут. Или преступник настолько обезумел, что не стесняется являться тогда, когда ему приспичит? Как ни странно, к самому факту вторжения Алексей уже почти привык. Воронова удивляла именно эта уверенность неизвестного, его расчётливое спокойствие, его умение появляться тогда, когда в квартире оставалось меньше свидетелей, чем обычно.

Панель нижнего ящика теперь была сдвинута заметно сильнее. На резном крае виднелись следы тонкого металлического предмета, которым, должно быть, пытались поддеть дерево. Внутренний механизм явно сопротивлялся: что-то щёлкало, шевелилось внутри фасада ящика, но не поддава-

лось. Это было похоже на разговор с человеком, который не желает выдавать свою самую важную тайну. Алексей уже успел попробовать нажимать на завитки резьбы, проводил лезвием вдоль щелей, простукивал дно ящика и боковые стенки, но стол по-прежнему «молчал». Так, не добившись ничего путного, Воронов уснул прямо в кресле, просто вырубился, опрометчиво забыв проверить, заперта ли дверь его комнаты.

Утро после театра, когда Алексей вдруг распахнул сомкнутые глаза и осознал, что ночевал не в кровати, оказалось тусклым и сырым, будто город, позволивший себе накануне несколько часов огней, музыки, смеха и женских духов, теперь стыдился собственной легкомысленности и снова прятался под привычным ленинградским покрывалом дождя, дыма и серого света.

К одиннадцати часам, когда квартира окончательно проснулась, в коридоре снова стали слышаться привычные звуки жизни: хлопали двери, кто-то ругался из-за кипятка, Анна Петровна громко требовала вернуть её полотенце, Павел кашлял в своей комнате хрипло и зло, а из кухни доносился тихий голос Лизы.

После вчерашнего вечера Алексей странно остро ощущал её присутствие в общих помещениях квартиры, даже не выходя еще из своей комнаты. Ему вдруг пригрезилось, что в этой тёмном, сыром лабиринте появилась тёплая, живая точка, к которой его мысли возвращались сами вопреки трево-

ге, усталости и бесконечному расследованию, которое пока заходило в тупик.

Надо было идти на работу, но Алексей все думал о ночном визитере. Он сидел у стола, наклонившись над выдвинутым ящиком, когда в коридоре раздались быстрые лёгкие шаги и знакомый голос произнёс, словно свежий ветер ворвавшись в комнату:

- У вас тут после театра, я смотрю, развлечения не закончились.

Алексей поднял глаза на вошедшего.

В дверях стоял Иван Аграфенов. Он был в тёмном пальто, с влажными от мороси волосами и обычной своей чуть насмешливой улыбкой, которая сразу вносила в комнату ощущение другого мира - редакционного, шумного, табачного, не связанного с коммунальными страхами, ночными шагами и жутким убийством во дворе ни в чем не повинной Нины.

- Я думал, ты в редакции, - сказал Алексей рассеянно.

- Я там был с утра. Потом решил, что под впечатлением от вчерашнего свидания ты всё равно ничего путного не напишешь и решил нагряться сам. – как-то незаметно перешел на «ты» приятель.

- Заботливый. – Алексей почесал затылок.

- Практичный. Редактору мрачные журналисты без текста на вычитку не нужны. Кстати, я тебя прикрыл, сказал, что ты пошел на интервью. Придумаешь потом, с кем именно оно было.

Иван вошёл в комнату, снял пальто, свернул то и бросив на спинку стула как попало, и оглядел беспорядок: выдвинутые ящики, сдвинутую панель, бумаги на полу, следы на дереве. Улыбка медленно сползла с его лица.

- Все серьёзнее, чем я думал, - сказал он уже другим тоном.

- Я говорил тебе.

Иван присел возле стола на старинный гнутый стул.

- Это сделали, пока вы с Лизой были в театре?

- Да.

- Значит, кто-то знал, что тебя не будет дома.

Алексей кивнул.

- Именно.

Иван осторожно провёл пальцами по царапинам на панели. Алексей, занятый своими мыслями, не замечал ничего вокруг.

- Смотри, - сказал он, наклоняясь ближе. - Здесь дерево будто пружинит. Нажимаешь, и что-то внутри отвечает, но не открывается.

Иван коротко взглянул на него.

- Может, нужен ключ?

- Ключ?

- Ну, а что? В старинных вещах часто делали механизмы с замком. Нажмешь не там, не сработает. Пытаешься открыть силой - только испортишь.

Он произнёс это спокойно, почти небрежно, будто рас-

суждал о любой старой мебели.

Алексей задумался. Ключ. Мысль была простой, но почему-то до этого не приходила ему в голову. А ведь, она совершенно логична. Ключ!

- Ключ обычно хранят отдельно, а не в тайнике. - продолжил мысль Иван.

- Знать бы только, где этот ключ... - задумчиво сказал Воронов.

- Или у кого хранится. - медленно сказал Аграфенов.

В этот момент в дверях появилась Лиза. Она держала поднос с двумя стаканами чая, осторожно, чтобы не расплескать, и выглядела немного смущённой, словно не была уверена, уместно ли входить.

- Я подумала, вы, наверное, не завтракали, - сказала она Алексею.

Повернув голову, она увидела Ивана и осеклась, остановившись.

Алексей поднялся, приветствуя девушку.

- Лиза, познакомьтесь. Это - Иван Аграфенов, мой товарищ из редакции. Иван, а это - Елизавета Мельникова.

Иван быстро встал со своего стула и вежливо поклонился с той лёгкостью, которая у него всегда получалась естественно.

- Очень рад.

- Здравствуйте, - сказала Лиза.

Она поставила поднос на край стола, но не ушла сра-

зу. Несколько секунд она смотрела на Ивана с какой-то странной, почти детской сосредоточенностью, будто пыталась вспомнить слово, приснившиеся ей ночью и забытое утром, но вдруг мелькнувшее где-то совсем близко.

Иван продолжал улыбаться.

- Что-то не так? - спросил он.

Лиза смутилась.

- Простите... мне показалось...

- Что?

Лиза чуть покраснела. Поморгала глазами, смахивая наваждение.

- Мне кажется, мы где-то встречались.

Алексей в этот момент снова наклонился к столу, нащупывая пальцами тонкую щель между панелями, и услышал только половину фразы.

- Встречались? - переспросил Иван с удивлением.

- Может быть, вы приходили к нам в архив? - неуверенно сказала Лиза. - Я работаю в городском архиве. Там бывает много посетителей, и лица иногда запоминаются странно.

На одно короткое мгновение в комнате стало тихо. Иван опустил взгляд на свои руки, потом снова поднял его на Лизу и улыбнулся мягко, почти смущённо.

- В архив? Не думаю. Хотя, кто знает, я мог когда-нибудь заходить по редакционному делу.

- Да, наверное, - поспешно сказала Лиза. - Простите, я глупости говорю. У нас каждый день столько людей: студенты,

служащие, краеведы, какие-то старики с делами о наследстве... Я, должно быть, перепутала.

Она говорила всё быстрее, явно смущаясь собственной неловкости.

Алексей, занятый столом, только рассеянно сказал:

- Иван вечно где-нибудь бегают по делам редакции.

- Вот видите, - легко подхватил Иван. - Я человек с лицом канцелярского призрака. Меня все где-нибудь видели, но никто точно не помнит где.

Лиза улыбнулась шутке. Алексей, занятый собственным столом, не заметил, что, уходя, она ещё раз, украдкой обернулась на Ивана.

- Спасибо за чай, - сказал Алексей.

- Я потом зайду за стаканами, - поспешно ответила она и вышла.

Когда её шаги стихли в коридоре, Иван некоторое время молчал, продолжая смотреть на дверь.

Потом повернулся к столу.

- Хорошая девушка.

- Да, - сказал Алексей.

И почему-то от этого простого ответа у него на душе стало чуть теплее.

Иван усмехнулся.

- Воронов, ты безнадёжен.

- Что опять?

- Ничего. Просто факт.

Он снова присел возле стола, и его лицо стало серьёзным.

- Значит, если нужен ключ, надо понять, что именно он открывает и где мог оказаться.

- Я думаю, тайник в столе.

- Может быть.

- Но?

Иван провёл пальцем по резному краю панели.

- Но если бы всё было так просто, его бы уже открыли.

Алексей посмотрел на него внимательнее.

- Кого - его?

- Тайник. Значит, нужно искать ключ, который твой тайник и отопрет.

Иван произнёс это задумчиво, держа в руках стакан с чаем.

За окном дождило, и капли ударялись по стеклу мелкими частыми каплями.

В комнате снова стало темнее, как будто вечер наступил прямо посреди полудня. Верно, туча нависла низко, зацепившись за купола множества церквей, за шпиль Петропавловской крепости, выливая на город очередную тонну влаги.

Чёрный кот, неизвестно когда появившийся у порога, осторожно вошёл внутрь комнаты, обошёл стул, остановился возле стола и вдруг принялся к нижней панели.

Потом поднял голову и посмотрел на Ивана долгим взглядом неожиданно разумных кошачьих глаз, от чего Воронову, да и Ивану, вероятно, тоже, стало не по себе.

Смахивал неловкость, Аграфенов нервно рассмеялся.

- У вас тут даже кот ведёт следствие.

- Иногда мне кажется, он-то как раз знает больше всех нас,

- сказал Алексей.

- Тогда надо допросить его первым.

Но кот вдруг выгнул спину и, не сводя глаз с Ивана, медленно ушел к двери.

Алексей не придал этому значения. Он был слишком занят столом. Он отчётливо чувствовал, что разгадка находится слишком близко, что старый кабинет ювелира Горского наконец начал приоткрывать завесу своих тайн.

Глава пятнадцатая. Версии

После ухода Ивана в комнате ещё долго сохранялось ощущение чужого присутствия. Оно было вовсе не тревожным, напротив. Аграфенов обладал удивительной способностью приносить с собой шум внешнего мира, запах сырого города, типографской краски, табака и редакционной суеты, одновременно с тем, успокаивая. Рядом с ним, веселым и остроумным, история о тайнике, убийстве, ночных вторжениях в старом кабинете начинала казаться Алексею не зловещей загадкой, а странным приключением, в которое он по неосторожности оказался втянут.

Но стоило двери закрыться, как квартира снова становилась самой собой - тихой и настороженной, где по углам шептались о былом тени, а каждый из жильцов что-то не договаривал.

Этот старый дом был полон скрипов, приглушённых шагов и какой-то вязкой, почти болезненной памяти, будто стены его продолжали хранить то, что должно было исчезнуть вместе с прежней жизнью. На кухне звякнула крышка кастрюли, щашипел разжигаемый примус. Кто-то собирался готовить. Потом всё снова стихло, и Алексей выдохнул - посторонние шумы мешали думать.

За окном по-прежнему шёл мелкий дождь. Сырой мартовский свет, едва пробивавшийся сквозь мутные стёкла, лежал

на полу бледными пятнами. В такую погоду не то чтобы на работу, но лишний раз высовывать не хотелось из парадной, и поэтому Алексей с удовольствием остался дома. Главное, завтра пойти в редакцию пораньше, да оформить старые наброски разговора с одним заводским мастером, чтобы было что показать редактору. Дело - дрянь так прогуливать работу, да ещё выполнять не спустя рукава, но Воронов не мог поступить иначе. С чертовой тайной пора было разобраться.

Алексей сидел у письменного стола, машинально проводя пальцами по резному краю панели и думал.

Ключ.

Мысль о ключе теперь не выходила у него из головы.

До сегодняшнего утра всё казалось ему проще: тайник скрыт в столе, нужно лишь понять механизм. Но если Иван прав, если механизм действительно требует ключа... Тогда неизвестный будет искать не только сам тайник. После вчерашнего визита, он, вероятно, тоже догадался, что тайник не открыть одним нажатием. И теперь преступник будет искать то, чем секретный ящик можно открыть.

Алексей поднялся и медленно прошёлся по комнате, осматриваясь, будто впервые.

Кабинет Горского вдруг стал восприниматься иначе. Не как случайно доставшаяся ему комната, а как место, вокруг которого вот уже несколько недель стягивались чужие страхи, недомолвки, старые воспоминания и, что совсем худо, смерти.

Сначала несчастная Нина. Теперь ночные вторжения. Кстати, Алексею казалось, что Нина - вообще случайная жертва в этой цепочке. Пока что неизвестный фанатично пытался добраться до стола. А может, Нину убил вовсе и не тот, кто навевался к Воронову? Вдруг, это совсем другой человек? Не Иван, который сам слишком труслив, не поклонник Лидии, которому вообще не было резона убивать Нину. Молодой человек остановился возле окна.

Во дворе-колодце Фёдор лениво скалывал мартовский лёд возле деревянного сарая. Старик двигался тяжело, чуть припадая на одну ногу, и мокрый спрессованный наст под его лопатой расходился тёмными грязными пластами. Чёрный кот сидел неподалёку, подвернув лапы, верный своему распорядку, и внимательно следил за каждым движением дворника.

Алексей вдруг подумал: из всех людей в квартире именно Фёдор выглядит так, будто знает об этом доме больше остальных. Он и Марфа Степановна. Ведь, они жили здесь задолго до всех остальных квартирантов.

Эта мысль пришла неожиданно ясно, заставив Алексея резко обернуться к столу, где среди бумаг лежал его блокнот. Через несколько минут страницы уже покрывались короткими заметками и именами жильцов.

Павел.

Против его имени Алексей поставил прочерк.

Лидия.

И здесь тоже.

Анна Петровна.

Виктор Михайлович.

Лиза.

Алексей подумал-подумал, да и вычеркнул ее имя совсем.

Фёдор.

Марфа Степановна.

Воронов долго смотрел на список, чувствуя себя, как будто неловко. Всё происходящее больше и больше напоминало ему не журналистское любопытство, а настоящее расследование - с подозрениями, наблюдением за людьми и попытками понять, кто врёт, кто боится, а кто знает гораздо больше, чем говорит. Но другого выхода уже не было. Кто-то же убил Нину. Кто-то продолжал искать тайник. И этот человек всё ещё находился рядом, в критически опасной близости к нему и к Лизе. Почему-то от мысли о ней, внутри у Алексея стало нехорошо, тревожно. Их отношения были ещё так хрупки, так трепетны, так осторожны, как первые ростки после долгой зимы, что сложно было бы предъявить Алексею влюбленность. И все же, к ней он чувствовал невероятное тепло и какую-то пугающую мужчину нежность. Лизу хотелось укрыть от невзгод, защитить от горестей, чтобы больше никогда не видеть, как горько она может плакать.

Глава шестнадцатая.

Страх в глазах

Ближе к вечеру Алексей впервые за последние дни вышел из комнаты не по необходимости, а сознательно, просто чтобы поговорить с жильцами и посмотреть на них уже совсем иначе – не как на случайных соседей, а как на людей, каждый из которых может или хранить ключ к происходящему, или являться самим ключом.

На кухне оказалось почти пусто. Только Лиза сидела на своем любимом месте возле окна, аккуратно штопая рукав старого серого свитера. Рядом на столе лежали архивные карточки и толстая папка с какими-то бумагами, перевязанная тесёмкой.

Она подняла голову и смущенно улыбнулась, увидев Алексея.

- Вы опять не обедали. – с укоризной сказала она. – И на службу не ходили, я слышала.

- Это становится вашей любимой фразой. – попытался пошутить Алексей, но вышло плохо.

Лиза, однако, не обиделась:

- Потому, что это – правда.

Алексей уселся на табурет прямо напротив девушки. Некоторое время они молчали. Лиза что-то мурлыкала се-

бе под нос, напевая неразличимую мелодию, аккуратно один за одним накладывая на полотно стежки, так ювелирно, что, если бы не знать, что там шов, ни в жизнь не догадаешься!

За окном медленно темнело. По стеклу стекали длинные капли непрекращающегося дождя. Откуда-то из коридора доносился приглушённый голос Виктора Михайловича, что-то недовольно бормотавшего себе под нос.

Лиза продолжала штопать рукав маленькими аккуратными стежками.

- Вы всегда носите работу домой? - спросил Алексей, кивнув на бумаги.

Она вздохнула.

- Иногда. У нас сейчас разбирают старые дореволюционные фонды. Очень много документов, а людей не хватает. Вот, приходится.

- И что вы делаете в архиве?

Лиза оживилась чуть заметно, как всегда бывало, когда разговор уходил от убийства и тревоги к чему-то привычному, земному, жизненному.

- Разбираю описи. Переписываю карточки. Иногда помогаю искать старые дела.

Она улыбнулась.

- Вы бы знатно удивились, сколько людей внезапно вспоминают о своих предках, когда речь заходит о наследстве или квартирах. Теперь многие боятся, конечно – Лиза понизила голос, - но есть и те, кто приходит и требует.

Алексей улыбнулся.

- А про этот дом у вас есть что-нибудь?

Лиза подняла взгляд.

- Про дом Горских?

- Значит, вы всё-таки слышали эту фамилию раньше.

- Немного.

Она отложила иглу.

- Когда после смерти Нины вы начали спрашивать про старых жильцов, я посмотрела архивные книги. Там есть сведения о владельцах домов до революции.

- И? – оживился Воронов. Как он сам не догадался посмотреть в архиве!? Вот, ведь, дурень!

- Дом, действительно, принадлежал семье Горских. Они были ювелирами, причем, очень богатыми. – Лиза снова принялась за шитье.

Алексей задумчиво провёл пальцами по краю дубового стола, чувствуя каждую выщерблину от кухонного ножа.

- А про нынешних жильцов что-нибудь можно узнать?

Лиза нахмурилась.

- В каком смысле?

- Кто и когда поселился здесь? Кто жил раньше? Кто может быть связан с этой квартирой?

Она некоторое время молчала, а потом вздохнула и тихо сказала, не ответив на вопрос:

- Вы всё-таки решили расследовать это всерьёз.

- А разве у меня есть выбор?

Лиза промолчала. Только посмотрела на него внимательно, и в её взгляде впервые появилось не просто сочувствие, а настоящая, глубокая тревога.

- Будьте осторожны, Алексей.

Он хотел отшутиться, но не смог, потому что сам очень остро чувствовал то же самое. Но не мог уже теперь остановиться. Словно дом медленно и неотвратно затягивал его внутрь своей какой-то старой истории.

- Что вы знаете про жильцов? - спросил он мягче.

Лиза задумалась.

- Анна Петровна появилась уже после революции. Кажется, приехала из Пскова. Виктор Михайлович раньше работал где-то бухгалтером... он не любит говорить о прошлом.

- Почему?

Она пожала плечами.

- Многие не любят. Сейчас вообще стараются поменьше рассказывать о том, кем были раньше.

Это прозвучало буднично и очень честно. Но Алексей вдруг ясно осознал, насколько страх стал обыденной частью жизни. Люди скрывали не преступления, а свои биографии. Бывший чиновник. Бывший офицер. Бывший владелец лавки. Все это в новых реалиях времени превращалось в вину.

- А Марфа Степановна?

Лиза подняла голову.

- Она здесь очень давно.

- Насколько давно?

- Не знаю точно. Мне кажется... она жила здесь всегда.

Алексей почувствовал, как внутри медленно шевельнулась тревожная догадка.

- И Фёдор...?

- Тоже. – согласилась девушка. – Знаете, иногда мне кажется, что они оба живут не теперь, а где-то в прошлом.

Алексей смотрел на Лизу и в этой тишине вдруг с неожиданной ясностью понял, что именно она - единственный человек в этой квартире, рядом с которым он перестаёт чувствовать постоянное напряжение и становится собой. Это было пугающе опасно. Потому что в последние недели всё хорошее вокруг него почему-то неизменно заканчивалось чем-то ужасным.

Перед сном он всё-таки решился постучать к Виктору Михайловичу. Бывший или настоящий бухгалтер, кто его теперь знает, открыл не сразу.

Комната его оказалась маленькой, тесной, заставленной и пахла нафталином, бумагой и старыми книгами. На столе лежали аккуратно сложенные ведомости и толстые бухгалтерские тетради. Значит, Лиза была права.

Сам Виктор Михайлович выглядел раздражённым уже одним фактом чужого присутствия.

- Чем обязан? – нетерпеливо бросил он, желая поскорее избавиться от гостя.

Алексей осторожно объяснил, что пытается понять исто-

рию квартиры. При слове «история» бухгалтер заметно напрягся.

- Я здесь ни при чём, молодой человек.

- Я не говорил обратного.

- И вообще не люблю разговоров о прошлом.

Он произнёс это слишком быстро, торопливо и резко, будто ему было что скрывать. Алексей заметил, как дрогнули мужские пальцы, поправлявшие старый, с трещиной у дужки очки.

В глубине комнате, возле массивного шифоньера, что занимал, кажется, пол комнаты, стоял старый кожаный чемодан с потёртыми металлическими уголками. Рядом лежала аккуратно перевязанная пачка пожелтевших бумаг. Человек, не любивший говорить о прошлом, но так тщательно хранящий остатки прежней жизни. Не преступник, просто испуганный свидетель своей эпохи.

Алексей вдруг понял это совершенно ясно. Виктор Михайлович – не преступник, но он не скажет Воронову ни одного слова, даже если знает что-то такое, чем бы мог поделиться. Молодой человек вдруг почувствовал странную жалость к старику в треснувших очках. Он, хоть и молодился, стараясь быть всегда гладко выбритым, чисто, хоть и скромно одетым, и надушенным каплей французских духов, но этот страх в глазах говорил за него.

Когда Воронов вернулся к себе, квартира уже затихала, готовясь ко сну. Алексей, так плохо спавший минувшей но-

чью решил, что и ему пора на боковую. Он умылся над колченогим умывальником, который был встроен при входе, медленно расстегнул рубашку, собираясь снять ее и повесить на спинку венского стула, когда вдруг совершенно явственно услышал, как в коридоре хлопнула дверь чьей-то комнаты. Кажется, это была дверь старушки.

Алексей прямо в нательной майке вышел в коридор и огляделся. Полутёмная коммунальная квартира казалась пустой. И только возле комнаты Марфы Степановны под дверью дрожал узкой желтой полоской приглушенный свет. Почему-то именно в этот момент Алексею пришло в голову, что старая женщина тоже чего-то боится. Очень давно, и, возможно, гораздо сильнее остальных.

Глава семнадцатая. Хранительница

После неудавшегося разговора с Виктором Михайловичем Алексей вернулся к себе с тяжёлым чувством внутренней усталости.

Весь день он пытался смотреть на происходящее трезво, почти по-журналистски: сопоставлял факты, вспоминал слова Нины, перебирал в памяти лица, реакции, случайные фразы. Но, чем больше он думал, тем сильнее ощущал, что история старого кабинета постепенно перестаёт быть просто цепью событий. Дом словно жил собственной жизнью – и пока он наблюдал и чего-то ждал.

В комнате было темно. Только слабый свет из коридора падал на письменный стол, выхватывая из полумрака выдвинутый ящик и искалеченную панель. Воронов вернулся за стол, который словно манил. Пальцы Алексея снова, уже привычно коснулись резного дерева, поглаживая рельефную резьбу. Он уже собирался зажечь лампу, когда в коридоре послышались осторожные шаркающие шаги. А потом кто-то тихо постучал в дверь костяшками пальцев, будто боялся, что услышат другие.

- Алексей Николаевич... - донёсся приглушённый голос Марфы Степановны. - Вы бы... зашли ко мне сейчас. Только тихо.

Что-то в её интонации заставило Алексея сразу насто-

житься. Воронов натянул рубаху и вышел в коридор. Неприлично было показываться перед старушкой в неглиже. Пожилая женщина стояла возле своей двери, кутаясь в старую шерстяную шаль. В слабом свете лампы её лицо казалось почти прозрачным - тонким, измученным, с глубокими морщинами у рта и глаз. Но больше всего Алексея поразил ее взгляд. Он был испуганный. Марфа Степановна быстро оглянулась по сторонам, словно боялась, что кто-то может увидеть их разговор, и тихо сказала:

- Идите скорее за мной.

Комната её оказалась совсем не похожей на остальные помещения коммунальной квартиры. Воронову вдруг показалось, будто время остановилось, не захотев уходить совсем, и теперь таилось в этой комнате, чтобы никто не заметил, что оно всё ещё здесь, среди люстр и старых зеркал.

Под низким потолком висела старая лампа с матерчатым абажуром, дававшая мягкий жёлтый, но такой скудный свет. У стены стоял тёмный комод с потускневшими бронзовыми ручками, а возле окна примостился круглый столик, покрытый кружевной салфеткой. Над кроватью, застеленной по старой моде - с подзором и подушками горкой, в углу теплилась маленькая лампадка перед старой иконой. Алексей не очень разбирался в образах, но точно помнил, что такая же икона висела и у его бабки в деревенской избе в стародавние времена, когда Алексей ещё звался не по полному имени, в просто Алешенькой. В воздухе пахло сушёными травами,

воском и чем-то специфически аптечным. На стене Воронов заметил пожелтевшие фотографии в овальных тяжёлых рамках. На одной из них была женщина в старомодной шляпе с пером, на другой - военный в гимнастёрке, а третья демонстрировала мальчика в полосатой матроске.

Всё это выглядело так, будто находилось не в нынешнем Ленинграде с его трамваями, коммунистическими лозунгами и коммунальными кухнями, а в каком-то другом городе, исчезнувшем вместе с прежней жизнью. Марфа Степановна осторожно прикрыла за ним дверь.

- Садитесь.

Алексей сел на старый венский стул, заботливо продвинутый хозяйкой.

Несколько секунд старуха молчала, нервно перебирая край шали. А потом тихо произнесла:

- Вы ведь всё ищите.

Алексей понял, что это был не вопрос, а скорее утверждение.

- Пытаюсь понять, что происходит.

Она медленно кивнула.

- И правильно. Потому что беда здесь ходит... давно уже ходит.

За окном снова застучало. Это ветер бросил в стекло мокрым противным дождем. Марфа Степановна вздрогнула от этого звука.

- Вы чего-то боитесь? - осторожно спросил Алексей.

Старуха долго не отвечала, а потом тихо произнесла странные слова:

- В молодости люди думают, будто будут жить вечно.

Она подняла взгляд на Алексея.

- Вы, ведь, про Горских спрашиваете у жильцов.

Он почувствовал, как внутри всё сразу напряглось.

- Да.

Марфа Степановна медленно опустилась на край кровати.

- Я у них служила. Совсем девчонкой ещё пришла... в горничные. Тогда хозяин дома еще сам мальчишкой был. Хорошие они были, Горские.

Она произнесла это с такой осторожностью, словно даже спустя десять лет боялась говорить о прошлом слишком тепло. Алексей вдруг понял: Марфа Степановна действительно помнит не только фамилию бывших хозяев дома, но и их самих

- У хозяина мальчик был, сынок. - тихо сказала Марфа Степановна. - Всё за отцом бегал. Любил в кабинете сидеть... рисунки смотрел, камушки разные собирать любил. Хозяин его учить собирался, чтобы по стопам ювелирным пошел.

Она замолчала. А потом вдруг перекрестилась быстрым старческим движением.

- К Горским пришли.

- Кто?

- С обыском, как водится. - голос старухи стал глухим и

каким-то далеким.

- Кричали. Бумаги швыряли. Всё перевернули... Хозяина увели. А мальчика Фёдор через чёрную лестницу вывел.

Алексей невольно подался вперёд.

- Значит, Митя спасся?

Марфа Степановна кивнула.

- Только больше я его не видела.

Она сказала это так тихо, что слова почти растворились в комнате. Потом старуха поднялась и подошла к старому сундуку, стоявшему возле кровати. Двигалась она медленно, тяжело, каждый шаг давался ей с великим трудом. Несколько секунд Марфа Степановна возилась с замком, потом открыла крышку. Внутри лежали аккуратно сложенные старые вещи: выцветшие ленты, пожелтевшие письма, кружевные воротнички, коробки и фотографии - остатки ушедшей эпохи, пережившие революцию, голод и коммунальную жизнь.

Марфа Степановна долго перебирала вещи дрожащими руками. Потом наконец достала небольшой свёрток, завернутый в тёмную ткань и замерла. Алексей почувствовал, как сердце медленно начинает биться быстрее. Старуха осторожно развернула ткань и достала какой-то предмет. Протянула Алексею руку, и он наконец увидел, что в её ладонях лежал небольшой тонкий кинжал с тёмной рукоятью и серебристым узором на ножнах. Он напоминал морской кортик - старинный, дорогой, сделанный не как оружие, а как подарочная редкая вещица, которой любуются.

Лампа дрогнула. Металл тускло блеснул в жёлтом свете. Алексей медленно поднялся.

- Это...

- Нашла потом, - тихо сказала Марфа Степановна. - Уже после всего. В кабинете валялся. Я сперва думала, что выброшу. А потом... жалко стало.

Она очень бережно погладила пальцами ножны, как будто касалась не вещи, а чьей-то памяти.

- Так и спрятала у себя.

- И всё это время он был у вас?

- Да.

Марфа Степановна вдруг посмотрела на него с настоящим страхом.

- А теперь ходят, ищут чего-то, да все по ночам. - она понизила голос почти до шёпота. - И мне кажется, что за ним приходят.

Алексей осторожно взял кинжал. Он оказался неожиданно тяжёлым и холодным.

- Почему вы отдаёте его мне?

Старуха медленно опустилась обратно на кровать.

- Потому что я старая уже. А вы... вы всё равно в это влезли.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла усталой и печальной.

- Может, у вас лучше сохранится.

За дверью тихо скрипнула половица, и Марфа Степановна

вздрагнула так резко, что едва не уронила из рук тряпицу, в которую был завернут кортик.

Алексей быстро обернулся на дверь, прислушиваясь. В коридоре снова было тихо. Может, им показалось. Он подошёл к двери, резко распахнул её. Полутёмный коридор был пуст.

Когда Алексей вернулся в комнату, Марфа Степановна сидела неподвижно, сложив руки на коленях и беззвучно молилась. В ее позе, в этих шевелящихся губах было какое-то обреченное смирение. Впервые за всё время Воронову стало по-настоящему страшно.

Глава восемнадцатая.

Новая жертва

После разговора с Марфой Степановной прошло несколько дней. Все это время Алексей много думал о квартире и жильцах – нынешних и бывших хозяевах, которым не повезло родиться богатыми на стыке эпох. Такой судьбе не позавидуешь, ведь, получается, мальчик остался сиротой, а что стало с самим ювелиром? Об этом никто не говорил прямо, но Воронов чувствовал, что случилось с Горским совсем нехорошее. В конце концов, Алексей решил узнать у Лизы, вдруг в архиве, где она служила, остались хоть какие-то зацепки.

Квартира его больше не пугала. Скорее всего к ним навещает кто-то, кто имеет отношение к семье ювелира. И рано или поздно, этот кто-то обязательно должен был объявиться снова. Теперь, проходя по длинному тёмному коридору, слыша скрип половиц, далёкий кашель за стеной или стук капель в кухонной раковине, Алексей уже не воспринимал эти звуки иначе. Всё вокруг казалось наполненным скрытым ожиданием – тяжёлым, вязким, как воздух перед грозой.

Кинжал лежал у него в комнате, в письменном столе Горского. Вечерами, когда Алексей возвращался из редакции и страховал с себя план пятилеток, новости о партсобраниях и

тонны заводской стружки, он ужинал, чем придется, и садился за старинный письменный стол в своей комнате. Как под гипнозом доставал из ящика клинок и подолгу разглядывал его, взяв в руки. От одного только взгляда на кинжал внутри возникало странное чувство, будто вместе с этой вещью в кабинет вернулось нечто давно забытое и опасное. Алексей разглядывал серебристый узор на ножнах, его тёмную рукоять, тонкую работу старого мастера. Вещь была дорогой, изящной, но при этом в ней ощущалось что-то тревожное, но не потому, что он был оружием, а потому что наверняка слишком долго лежал рядом с чужими тайнами в пыльном сундуке Марфы Степановны.

Кстати, ни Аграфенову, ни Лизе даже Воронов про кинжал не сказал. Сам не знал, почему, просто не хотелось делиться ни с кем тайной старушки. Их разговор был слишком личным, и Алексею хотелось сохранить в тайне то, что хранительница клинка доверила только ему.

Алексей все пытался понять, почему Горский хранил именно этот кинжал? Ведь, он был ювелиром, а не коллекционером холодного оружия. Да, он был довольно искусно выполнен, но все же – не уникальный предмет, которым бы гордились и считали главным экспонатом в собственной коллекции.

В тот вечер ветер по своему обыкновению гнал по Фонтанке дождь. Мокрые фонари дрожали в чёрной воде, и редкие прохожие, быстро проходившие через их двор, каза-

лись призраками, случайно задержавшимися среди сырого ленинградского марта.

Алексей вернулся из редакции около семи. Съел две холодные отварные картофелины, и укрылся в своей комнате. Он вновь и вновь рассматривал старый клинок, который передала ему Марфа Степановна, размышляя, какое значение он имеет. Лучше бы ему думать про тайник в столе, но руки сами тянулись к кортику, пальцы поглаживали серебряную вязь узора, а мысли уже текли куда-то далеко-далеко, словно легкий, но крепкий кораблик по морским волнам.

В квартире постепенно стихли голоса. Еще раз хлопнула дверь у Павла, когда тот перед сном наведалься в уборную, кто-то прошлепал на кухню, чтобы набрать кипятку, за стеной снова приглушенно закашлялись.

Алексей уже собирался лечь, когда снова услышал скрип половицы в коридоре. Странно, но за столь короткое время жизни в коммуналке он уже научился распознавать шаги всех жильцов. Эти шаги он тоже узнал. Наверное, потому что слышал их не в первый раз.

Алексей медленно встал. Сердце его неприятно сжалось в каком-то тоскливом предчувствии. Юноша все-таки подошёл к двери и прислушался, надеясь, что ему снова показалось. За фигурной, потрепанной временем филенкой было тихо. Только дождь барабанил за окнами, не желая давать городу хоть какую-либо передышку.

И вдруг из коридора раздался короткий приглушённый

женский вскрик, а за ним странный грохот. Алексей, плохо соображая от смеси неожиданности, страха за Лизу и решимости, рванул дверь.

В коридоре было темно, лишь из кухни пробивался, укладываясь извилистой дорожкой, луч света от керосиновой лампы. Этого света хватило, чтобы он заметил: дверь комнаты Марфы Степановны была приоткрыта, хотя старушка укладывалась спать довольно рано.

Алексей замер на секунду в надежде, что пожилая соседка выглянет сейчас из своей комнатки, заставленной громоздкими свидетелями прошлого, но ее голова в чепце так и не появилась в проеме.

Не выдержав, Алексей позвал:

- Марфа Степановна! - ответа не было.

И тогда молодой человек бросился вперёд, через весь коридор напрямик к ее комнате. Жилище старушки выглядело так, будто по нему прошёл ураган. Сундук стоял распахнутый настежь. На полу валялись письма, старые фотографии, ленты и коробки. Кружевная салфетка была сорвана со стола, лампадка под иконой качалась, отбрасывая на стены беспокойные тени.

А у кровати, прямо на полу, нелепо подвернув под себя руку, лежала Марфа Степановна.

Алексей застыл на пороге. На одно страшное мгновение ему показалось, будто она просто упала, но потом он увидел темную, нет, почти черную в тусклом свете лампы кровь.

Она медленно растекалась по деревянному полу возле старой заштопанной шали, в которую всегда заворачивалась женщина.

- Господи... - против воли вымолвил Алексей первое, что пришло на ум.

Он бросился к старухе, опускаясь рядом на колени. Марфа Степановна была ещё тёплой. Но глаза её уже смотрели мимо него - неподвижно и от этого страшно. На затылке у нее темнела глубокая рана. Слишком много крови для простого ушиба и падения.

Слишком поздно.

Алексей почувствовал, как внутри всё резко похолодело, а по ногам разлилась неприятная слабость. На секунду комната качнулась перед его глазами.

Потом в двери мелькнуло и пропало лицо Анны Петровны, которая, вылетев обратно в коридор, закричала высоким, срывающимся голосом. Двери хлопали одна за другой.

Послышались быстрые шаги. Это тяжело, почти бегом в комнату влетел Павел. Он увидел тело и резко остановился. Неожиданно этот здоровяк побледнел так сильно, что лицо его стало почти серым.

- Господи... - повторил он те же слова, что и минутою ранее Воронов.

За спиной Павла появилась растрепанная Лиза. Она ахнула и прижала ладонь ко рту, немея.

Алексей мгновенно поднялся.

- Не заходите!

Но было уже поздно. Коммунальная квартира проснулась окончательно, не успев заснуть крепким сном. Коридор наполнился голосами, испуганным шёпотом, вопросами, топотом. Виктор Михайлович дрожащими руками поправлял очки. Анна Петровна рыдала у стены напротив входа в несчастную комнату.

Последним появился Фёдор. Увидев Марфу Степановну, он вдруг замер и заморгал глазами, будто пытался прогнать чудовищную картину из собственного воображения. Он ничего не сказал, лишь медленно снял шапку и перекрестился. Алексей впервые увидел на его лице настоящее человеческое горе. Будто умер кто-то очень для него близкий.

- Нужно вызвать милицию, - хрипло сказал Павел, но Алексей почти не слышал его слов.

Он наконец, заметил разворошённый сундук и разбросанные вещи.

В этот момент Алексей Воронов с пугающей четкостью осознал: убийца приходил за кинжалом. Искал не просто тайник, а именно кинжал.

И не нашёл его.

Глава девятнадцатая. Утро, не принесшее облегчения

После убийства Марфы Степановны дом на Фонтанке перестал быть жилым. Теперь он больше напоминал место, в котором люди вынужденно переживают бедствие, стараясь не смотреть друг другу в глаза и как можно реже оставаться в одиночестве после наступления темноты.

В длинном коридоре, привычно пахнущем сыростью, керосином и старым отсыревшим деревом, теперь постоянно присутствовал ещё один запах - едва уловимый, тяжёлый, который невозможно было выветрить ни открытыми форточками, ни табачным дымом, ни бесконечно кипящим на кухне чайником. Так пахнет в больницах, в отделениях где содержатся очень тяжелые пациенты. Так пахнет сам страх.

Жильцы говорили вполголоса. Дверями больше не хлопали,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.